Л. Х. ГРЕБЕНЩИКОВА

МОЙ СЫН БГ

издательство амфора

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Людмилы Харитоновны Гребенщиковой — это не только "детство, отрочество, юность" знаменитого сына в историях, фотографиях и документах семейного архива, публикуемого впервые. Лаконичные, эмоциональные зарисовки автора подобно неизвестным кадрам кинохроники дают интереснейший материал о жизни Ленинграда 30-х, блокадных и послевоенных лет, а также характерный срез культурной жизни 50-80-х годов.

- Людмила Гребенщикова
  - Два слова об авторе
  - ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ
  - Фотоальбом к главе "Детство и юность"
  - БОРИС
  - Фотоальбом к главе "Борис"
  - БОРЕНЬКА
  - Фотоальбом к главе "Боренька"
  - О книге Л. Гребенщиковой — Мой сын БГ — 2008.
- notes
  - 1
  - 2

Людмила Гребенщикова
Мой сын БГ

Два слова об авторе

Всей культурой, которая есть во мне, я обязан своей маме.

Она всегда считала своей первейшей обязанностью наполнить меня до краев тем прекрасным, что происходило в доступном нам тогда мире культуры. Если в Филармонии играли Баха или Равеля; если приезжал театр Образцова и билетов просто не было в природе; если в каком-то клубе только один сеанс шла недоступная «Великолепная семерка» с Юлом Бриннером — благодаря маме я оказывался в правильном месте в правильное время. Все, чего было «не достать» из искусства, ее стараниями рано или поздно попадало мне в руки, пусть даже на одну ночь, — будь это «Мастер и Маргарита», «Один день Ивана Денисовича» или совершенно недоступные советскому школьнику библиотечные книги про Тарзана. Каких хлопот ей это стоило по тем временам — я даже не могу себе представить.

Даже на первый в моей жизни подпольный «рок-сейшн» вытащила меня именно она. Когда же у отца возникали сомнения — ту ли музыку я слушаю, мама бестрепетно отбивала мое право на прогрессивные звуки. Она считала, что я должен иметь свободу выбирать то, что мне по душе.

Глядя на нее, я научился не стесняться испытывать восторг при виде прекрасного — и это открыло для меня бесконечный мир. С плодами такого воспитания вам приходится иметь дело и по сей день. Ничего лучше со мной случиться не могло.

Мама — спасибо!

Борис Гребенщиков

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Я родилась в 1929 году. Мое первое детское воспоминание: я стою в детской кроватке, комната залита солнцем. В ней — высокий лепной потолок, высокая кафельная печка, в которой горит огонь, сияет начищенный паркет. И в окно врываются лучи солнца. Все это наполняет меня такой радостью, что я смеюсь.

Мы жили на Пушкинской. Улица тогда была вымощена белыми плитами и засажена высокими деревьями, между которыми я училась ходить. Рядом находился Пушкинский сквер. Мы в нем гуляли. Вокруг гуляло очень много представителей старой интеллигенции. Меня удивляли пожилые дамы, которые даже летом не снимали перчаток. Их внучки с аккуратно убранными локонами палочками гоняли обручи. Позже, когда я читала книги из «Золотой библиотеки», я вспоминала этих девочек. Потом эта публика постепенно начала исчезать.

Помню, перейдя в класс третий, я отправилась на Пушкинскую сдавать босоножки в ремонт. Там стояли пожилые благородные дамы. Я заняла очередь и отправилась играть. Вернувшись, втиснулась в очередь, чем вызвала большой протест со стороны этих дам. Я, прижимая босоножки к своему пионерскому галстуку, проникновенно сказала: «Ну, това-а-арищи». Они мертвенно побледнели и замолчали. Я сдала босоножки, ушла и никак не могла понять, почему они так странно отреагировали на слово «товарищи». Потом поняла. У них у всех оно ассоциировалось с ночными звонками в квартиру, с арестами. В блокаду умерли остатки старой интеллигенции, которая жила на Пушкинской улице. Это был привилегированный район.

В нашей квартире жили два брата — Шура и Василий. Василий был студентом, Шура — десятиклассником. К ним регулярно приходила старшая сестра — готовить обед, а затем уходила в свою семью. Шура любил дразнить меня. Я не выговаривала тогда букву «р», а он вечно спрашивал: «Скажи, как меня зовут?» Я робко произносила: «Шул-ла». Он басил: «Что?» И я опрометью убегала. Я его очень боялась.

Как-то ночью я проснулась от рыданий своей матери, которая стояла на коленях перед отцом и спрашивала: «Что я буду делать одна с ребенком?» Отец отвечал, что не может жить подлецом. Мама не унималась. На следующий день я узнала, что Шура окончил десятый класс и был выпускной вечер. На банкете кто-то что-то сказал про советскую власть. В этот же вечер все три класса были арестованы, их всех судили, дали каждому по 10 лет

и теперь отправляли в Магадан. Василия не было дома, и Шура прислал моему отцу записку с просьбой прийти на вокзал. А все знали: кто приходит на вокзал, того тоже арестовывали. Этот мальчик провел почти 10 лет в Магадане. Когда его срок уже подходил к концу, брату Василию прислали извещение о том, что Шура убит. Без всяких объяснений. Судьба этого мальчика отпечаталась в моей памяти. Он оканчивал школу, перед ним открывалась дорога в жизнь, а его погубили ни за что ни про что.

Я была единственным ребенком в семье. Росла дома, в детский сад не ходила. И очень рано научилась читать. Когда мы ходили в гости, то родители, чтобы меня занять, просили у хозяев какую-нибудь книгу. Я выросла на литературе. Читала все книги, которые были у соседей. Мне нравились описания придворных интриг, убранства дворцов и портреты королей. Я была влюблена в эту красоту.

Когда мне было лет пять, мы с мамой зашли в Гостиный Двор, там на прилавке впервые появились детские игрушки, которые начали производить в СССР, — маленькие пупсики по пять рублей. Мама мне сразу купила одного такого, я сделала для него квартирку и играла с ним.

Мама не работала. Женщины вообще тогда в большинстве не работали, возможно потому, что работы для них особенно не было. Мои родители постоянно ходили в гости. Каждую субботу. На столах был разве что чай с печеньем. Взрослые общались, ставили патефонные пластинки, а дети играли. Мы очень любили «Сказки дядюшки Римуса». Прыгали зайчиками, лисичками.

Отец мой родился в Тюмени. В молодости он был юнгой на корабле, а потом оказался в Петрограде и поступил в училище Дзержинского.

Мама росла в Саратовской области. Мой дед был адвокатом и имел в Солигаличе каменный дом. Считалось, что это показатель большого достатка. За него выдали замуж бедненькую девушку из благородных. Он очень хотел сына, а она рожала ему подряд дочек. В итоге у моей матери было шесть сестер. Дед отчаивался по поводу наследника, начал пить. Вместе с бабушкой и со всеми своими дочерьми он переехал жить в деревенский домик. Семья быстро обеднела. Все деньги, которые дед зарабатывал на процессах в суде, он тут же пропивал.

Из-за пьянства отца и бедности семьи моя мама была вынуждена за пуд муки работать нянькой в другой деревне. Утром до восхода солнца она бежала семь верст лесом, чтобы вовремя явиться в дом, где она нянчила детей. Мама не ходила в школу, хотя имела массу способностей. В их семье не было сапог, в которых можно было до школы дойти.

Пока дед окончательно не спился, он выдал старших дочерей замуж в Петербург. Когда началась революция, мама тоже переехала к своим сестрам. Она жила у старшей. И абсолютно случайно познакомилась в Александровском саду с моим папой, вышла за него замуж. Им дали комнату на Пушкинской, в ней я и родилась.

В первый класс я пошла в школу, которая находилась в том же дворе, что и кинотеатр «Колизей». Я легко читала, поэтому проблем в школе у меня не возникало.

Папа работал на военном заводе. Он приходил с работы, и мы шли с ним гулять. На Невском был фруктовый магазин, в котором продавались привезенные из Испании апельсины. Лучшего аромата в своей жизни я не помню. А на углу Невского и площади Восстания находилась булочная, в которой продавались пирожные. И папа предлагал мне на выбор или апельсин, или пирожное.

Летом мы всегда снимали дачу недалеко от Выборга. По воскресеньям ждали, когда к нам приедет папа. Он всегда привозил мне какие-то сладости. И вот однажды я качалась в гамаке, было яркое солнце. Вдруг я услышала, как мимо стали пробегать люди, кто-то из них кричал: «Война, война». Знакомый военный и папа сразу уехали в город. Мы тоже собрались и приехали в Ленинград. Так для нас началась Великая Отечественная война.

1941 год, сентябрь

Помню, в начале учебного года к нам в класс вошел директор в сопровождении завуча. Мы встали. «Дети, — прерывающимся голосом сказал директор, — завтра в школу приходить не надо. Школа закрывается». И вдруг заплакал, закрыл лицо руками и выбежал из класса. Ошеломленные, мы тихо разошлись по домам. Впоследствии я узнала, что наш директор пошел добровольцем на фронт. Там он погиб.

Октябрь

Начались бесконечные бомбежки. Мне было тогда 12 лет. Мы жили уже не на Пушкинской, а в квартире на улице Восстания. Дом у нас был отличный, с паровым отоплением. Лишь на кухне оставалась дровяная плита, которая затем спасала нас в холодные блокадные зимы. Внизу в подвале располагался дровяной склад.

С началом войны его превратили в бомбоубежище. Туда составили раскладушки, кровати, сделали лежаки, чтобы ночевать там с детьми. А днем при объявлении тревоги в наше убежище прибегали еще и школьники из соседней 32-й школы, и у них на наших глазах продолжался урок. Учителя вполголоса что-то рассказывали, но все прислушивались к гулу самолета. Часто вверху раздавался свист фугасной бомбы, пол вздрагивал, и раздавался грохот. Мы задирали головы — потолок был цел. Значит, бомба попала не в нас.

Декабрь

Зима 1941/42 года была очень холодной. В доме не работало отопление, не было воды, не работала канализация. В комнате — мороз, как на улице, окна покрыты льдом.

В нашей квартире мы жили двумя семьями. Я с мамой и папой, и еще одна женщина с сыном. Две другие семьи смогли уехать в эвакуацию. Мы перебрались жить на кухню, там топили дровяную плиту. Кухня темная, без окон, поэтому целый день горела коптилка. На столах сделали постели.

Папа продолжал работать на заводе. Трамваи не ходили, идти надо было пешком. Однажды он ушел на работу, но его привели две девушки обратно. Они сказали маме: «Зачем вы его выпустили, он же идти не может?!» Настолько он ослабел от голода. Он стоял у стены, закрыв глаза, и плакал. От унижения, что он, молодой, тридцативосьмилетний мужчина, находится в таком положении. После этого он слег и больше не вставал.

Соседка тоже не могла ходить. Все делала мама: выносила ведра, ходила в магазин, за водой. На Пушкинской улице от зажигательной бомбы загорелся, а потом целый месяц тлел дом № 2. Водопроводные трубы оттаяли, там шла вода. И в этот дом люди с ближайших улиц шли за водой.

Хлеба давали по 125 граммов на человека. Мы крошили его, заливали кипятком и так ели, это называлось тюря. Я удивлялась тогда, насколько это вкусно и почему до войны мы не пробовали такое нехитрое блюдо.

1942 год, январь

Меня мама не выпускала на улицу. Я целый день читала при свете коптилки и ждала, когда по радио Ярмагаев будет читать «Овода». Иногда передача прерывалась страшным воем сигнала

тревоги, затем — тиканье метронома, и наконец — отбой.

Мама ходила за хлебом для нас и для соседки. Меня оскорбляло недоверие этой женщины — на аптекарских весах она каждый раз взвешивала свою порцию и порцию своего ребенка. Мама меня успокаивала: «Она же больная, не обращай внимания».

Однажды мама ходила отоваривать продуктовые карточки. Вместо сахара давали повидло. Продавщица забыла вырезать из маминой карточки талон на 5 граммов повидла. Мама пришла и сказала: «Если хочешь — иди. У меня сил нет». Я оделась в шубу и валенки и впервые за зиму вышла на улицу. Тогда я поняла, как трудно ходить по морозу, когда человек плохо питается. Мне казалось, что я раздетая, так я замерзла. Я подошла к булочной на углу Невского и Восстания. Там стояли дети лет пяти-шести, с черными лицами и протянутыми руками. В булочную их не пускали. Им никто ничего не подавал. Как их матери могли выпустить своих детей на улицу за милостыней? Некоторые из них так замертво там и падали. Я пришла от этого в такой ужас. Я вошла в магазин, продавщица сердито взвесила мне эти пять граммов — целую столовую ложку повидла. Больше за зиму я на улицу не выходила.

Февраль

Однажды к нам постучалась соседка, которая жила этажом выше. Молоденькая женщина. Она сказала: «Я узнала, что у вас есть дровяная плита. У меня новорожденный ребенок. Молока у меня, конечно, нет. Но мне в консультации дали соевое молоко. Можно я его согрею у вас?» Мама ей ответила: «Пожалуйста», протянула кастрюлю. А женщина попросила: «Можно я в своей кастрюльке согрею? Потому что на стенках что-то остается, я бы хотела, чтобы все молоко досталось моему ребенку». Она согрела молоко, ушла. На следующий день я жду, когда она придет. Ее нет. Прошло два-три дня. Я спрашиваю: «Мама, ну где же эта женщина? Молоко ведь каждый день надо согревать». А мама неохотно отвечает: «Да умерла она, и ребенок ее умер. У них в квартире все мертвые лежат».

Март

Весной стало чуть легче жить. Вместо бомбежек начались обстрелы. Это уже не так страшно, как бомбы. Чтобы в городе не началась эпидемия от такого количества трупов в домах, начали

работать военизированные бригады из девушек, они вывозили умерших. Их свозили на Пискаревское кладбище в братскую могилу. Начала работать Дорога жизни, по льду Ладожского озера шли в город машины с продуктами. Я стала часто заходить в комнату — там было еще холодно, но светло.

Как-то вечером мы с мамой шли по Невскому, и начался страшный обстрел. Мы шли мимо рыбного магазина, в него попал снаряд. Было темно, но на снегу были видны фигуры лежащих людей, кто-то истошно кричал. Мы побежали. Визг снарядов, грохот разрыва — я впервые попала под обстрел.

Апрель

Мы переехали жить в комнату. Обогревались керосинкой. Но какое счастье после полугода абсолютной темноты, просыпаясь, видеть в окне напротив дом, залитый солнцем!

Заработала 32-я школа. Я снова пошла в четвертый класс, который окончила до войны, — оставался последний месяц занятий, и в пятый класс меня бы не взяли. Продуктовые карточки я сдала в школу, там нам давали завтрак и обед. На ужин оставляли кусочек хлеба.

На Пушкинской улице открылась баня. Очередь — во всю улицу, но так как у меня была цинга и от боли в ногах я кричала, нас пустили без очереди. Когда я увидела раздетых женщин, я испугалась. Это были скелеты, обтянутые коричневой кожей. И моя мама тоже стала такая. Но какое блаженство мыться горячей водой!

В город возвращалась жизнь.

Врачи, осмотрев маму, определили последнюю степень дистрофии и послали ее на усиленное питание. В ресторане «Метрополь» на Садовой улице в большом зале стояла длинная очередь из тех, кому поставили дистрофию. Они сдавали продуктовые карточки, и целый месяц их кормили в этом ресторане.

Мама, конечно, приносила мне часть еды. Однажды она принесла в одной банке селедочный суп и какой-то компот. Я заплакала — как можно было слить их в одну банку? Мама говорила: «Все равно в желудке все будет вместе».

Хлеба прибавили. Папа смог уйти на завод. Там он работал и жил вместе с другими рабочими, так как ходить на работу и обратно сил не было. Это называлось «казарменное положение».

В конце весны и летом 1942 года люди, которые жили на Невском, выходили греться на солнечную сторону проспекта.

Выносили стулья, табуретки, скамейки, чтобы сидеть, а заодно и какие-то вещи на продажу — альбомы с открытками, книги, игрушки, какую-то одежду. Так на Невском проспекте образовывался стихийный рынок. Мы ходили взад-вперед и смотрели, кто что продает.

Стала работать «Скорая помощь». Месяц назад мама ее вызвала, и вот теперь, в апреле, она пришла — соседку увезли в больницу. Мальчика мама унесла в детский дом.

Мама устроилась на работу, чтобы получать рабочую карточку. И ее сразу послали на оборонные работы. Там их осматривал врач. Он сказал, чтобы маму с первой же машиной отправили обратно. Сказал, что больше месяца она не проживет, такое у нее было плохое сердце.

Существует сопротивление материала. О нем все знают. А вот о сопротивлении человеческого организма мало кто знает. Бывает человек такой больной — и доживает до ста лет. А бывает наоборот — пышет здоровьем и вдруг умирает. Маме сказали, что она не проживет больше месяца, а она дожила до глубокой старости.

Май

Заработал кинотеатр «Октябрь» Я смотрела фильм «Свинарка и пастух» и думала: «Как хорошо, что у меня и мама и папа живы остались». Когда я пришла домой, мальчик из ремесленного училища при заводе Калинина принес записку, что папе очень плохо. Мама пришла с работы очень поздно, но утра мы ждать не стали — пошли ночью на Васильевский остров. Мост через Неву был разведен — я впервые увидела, как вместо моста стоит высокая стена. В шесть утра она опустилась, и мы быстро пошли к заводу. Но папа уже умер. Организм был слишком ослаблен голодом, и жить папа уже не мог. Это случилось 25 мая. Ему было 39 лет. Мы похоронили его на Волковском кладбище.

Мама устроилась работницей на военный склад. Это была тяжелая физическая работа. Мы жили и до этого бедно, а когда пришлось жить на мамину зарплату — тут и говорить нечего. Но должна сказать, что при всей нашей нищете мама каждый год на мой день рождения, 30 июля, до работы бегала на рынок и покупала цветы. И каждый раз, как я просыпалась, они стояли на столе. И когда мне исполнилось 16 лет, я проснулась и увидела, что на столе стояла целая корзина цветов. Мои подруги из обеспеченных семей рассказывали, что им многое дарили, но никто и никогда не дарил им целые корзины цветов.

Август

В глубине сада Дворца пионеров находился деревянный театр, который сейчас уже снесен. На его стене я увидела афишу: «Оперетта Вронской „Морской волчонок"». После ужаса блокадной зимы, всех страданий в городе начали проводить первые праздники. Я в настоящем театре еще не была. До войны ходила только в кукольный. Но билет мне не удалось достать. И в день спектакля я, проводив подруг, стояла одна в темном саду. Горели фонари, мимо шли люди, много военных. Я слышала, как настраивается оркестр, и освещенные двери стали одна за другой закрываться. Не веря, что я не попаду в театр, я отчаянно обратилась с молитвой к Богу: «Господи, если ты есть, пошли мне билет». Опустив глаза, я увидела на желтом песке дорожки, освещенной фонарем, ярко-розовый билет. Меня поразило, что он не был сложен, а прямо как из кассы. Я схватила билет, второй ряд партера, и побежала с криком: «Не закрывайте двери, у меня билет». Меня впустили, и я мимо подруг прошла во второй ряд. Меня никто не прогнал. Место было свободно. Я была счастлива.

Сентябрь

Мама приехала с оборонных работ. Еще летом начал работать Дворец пионеров, и я пошла туда в секцию ИЗО, в которой занималась и до войны. Лучшие наши рисунки отправляли на фронт. Однажды преподаватель спросила меня: «Как у тебя с родителями?» Я ей сказала: «Папа умер, а мама через месяц умрет». Преподавательница сказала, что открылся интернат для одаренных детей на 7-й Советской улице, и дала мне туда направление. В школе мне отдали продуктовые карточки, и я пошла в интернат. Там было уютно, дежурные в белых фартучках разносили ужин, но все было такое чужое, что ночью в спальне, где в два ряда стояли кровати, я тихо плакала под одеялом. Девочка на соседней кровати спросила: «Ты есть хочешь?» Я не ответила, а утром попросила продуктовые карточки и побежала домой. Мама еще не ушла. Она обрадовалась: «Вот и хорошо, что вернулась. А то я ночью плакала».

1943 год, сентябрь

Школу разделили на мужскую и женскую. И все наши девочки были переведены в школу № 19 на улице Жуковского. В

классе половина девочек была из этой школы. Я сидела за партой со своей подругой. Учительница в начале нового года проверяла журнал, зачитывала фамилии своих учениц. Когда дело дошло до моей подруги, то учительница остановилась, посмотрела на нее и удивленно спросила, почему та поменяла фамилию. Подруга упала головой на парту и зарыдала. Так я узнала, что ее отец погиб на фронте, а мать выбросилась из окна. Девочку усыновили какие-то бездетные люди.

В этой школе был очень смешной преподаватель математики. Он вбегал к нам, уже разъяренный после урока в другом классе. Прижимая одной рукой линейки и журнал (другую руку он потерял на фронте) и бегая по классу, он кричал: «Ну что вы смотрите на меня своими мутными глазами, двуногие макаки!» Класс разражался ликующим хохотом. Когда он успокаивался, он был очень добрый, его звали Павел Иванович, мы называли его Болваныч. Потом мы узнали, что, когда он после ранения вернулся с фронта, оказалось, что его жена и двое детей погибли при бомбежке. На его долю выпало много страданий, поэтому он был очень нервным человеком.

Все школы во время войны спасали детей. Родители у многих были на фронте или на оборонных работах, идти детям было не к кому. Поэтому мы проводили в школе большую часть своего времени, были там до ночи. Нас воспитывала старая когорта преподавателей — исключительные люди. Каждое утро мы выстраивались перед спортивным залом по классно. По очереди входили в зал. Там был уютный полумрак, топилась печка. Строгая завуч Валентина Ивановна в черном сатиновом халате с белоснежным воротничком проверяла, есть ли у каждой ученицы салфеточка, так как в школе нас кормили завтраком и обедом, а на ужин давали с собой кусочек хлеба, посыпанный сахарным песком. И этот хлеб мы должны были заворачивать в чистую салфеточку.

Как-то раз она спросила нас, слышали ли мы утреннюю сводку информбюро о том, как наши войска обнаружили, что немцы сжигали детей в печах. Она спрашивала: «Какие чувства у вас были, когда вы это слушали?» Мы молчали. Наконец одна девочка подняла руку: «Хотелось лучше учиться». А заведующая ей в ответ: «Так уж прямо учиться. Вам должно было стать страшно, потому что вы могли быть на месте этих детей». Выходя строем из класса, мы передавали следующему классу салфеточки и шептали: «Говорите, что вам было страшно».

Октябрь

Нам очень нравился учитель географии Михаил Филаретович. Он нам рассказывал о курортах Франции, о хрустале Баккара. Мы слушали его рассказы, как сказку о какой-то волшебной жизни.

Я, зная, что мужчины хуже переносят голод, уговорила своих одноклассниц, чтобы каждая из них за обедом, когда нам будут давать хлеб с сахаром для ужина, отсыпала из своей чайной ложечки немного сахарного песка. С кулечком из школьной тетради я обошла наш стол. Получилось почти две чайные ложки песка.

Я гордо пошла к столу, где обедали учителя вместе с директором. Все уставились на меня. «Это вам», — сказала я, отдавая кулечек Михаилу Филаретовичу. При полном молчании я вернулась на место.

После обеда Михаил Филаретович в коридоре поймал меня и сказал, что он очень тронут, но чтобы больше этого я не делала, потому что я поставила его в неловкое положение. Я сгорала от стыда. Почему за благородный поступок вместо похвалы я получила выговор?

Ноябрь

Город по-прежнему был пуст. В доме № 6 по Пушкинской улице, где я родилась, умерли все жильцы, кроме тех, кто эвакуировался. У моих одноклассниц отцы или были на фронте, или погибли. А матери у всех работали допоздна. Поэтому домой мы приходили только ночевать.

Как нас спасала школа! Целый день и вечер мы проводили в ней: делали уроки, баловались.

Начал работать литературный кружок. Им руководила учительница литературы Елизавета Викторовна. Она даже жила в школе, в пионерской комнате. Ходила в ватнике, с белым воротничком и аккуратно причесанная. Встречая меня в коридоре, она всегда спрашивала, что я сейчас читаю. Я увлекалась Чарской, Дюма, романами о жизни королей. На ее вопрос я отвечала: «Тайны французского двора». Она удивлялась: «Где ты достаешь такие книги?» В следующий раз на ее вопрос я ответила: «Тайны мадридского двора». «На ловца и зверь бежит», — усмехалась Елизавета Викторовна. Книги доставались мне от предыдущих хозяев наших больших коммунальных квартир, это все были старые запасы, купленные еще до революции. Новых хороших книг не издавали. Первая книга, которую смогли купить мои родители до войны, — «Детство

Буденного». Я вертела ее в руках и не знала, что с ней делать. Там же было нечего читать.

На занятиях литературного кружка мы могли сочинять что угодно. Я написала поэму о феях. Когда я ее прочитала, Елизавета Викторовна стала спрашивать мнение моих одноклассниц. И Нина, моя ближайшая подруга, сказала: «Я не знаю почему, но мне не понравилось». Елизавета Викторовна кивнула: «У тебя хороший вкус». Я так обиделась, что больше стихов не писала.

Помимо поэтического кружка наша учительница организовала еще и театральный, в который мы все дружно прибежали. В городе работала костюмерная, в ней школы брали костюмы для праздников. Первый спектакль мы хотели поставить про пионеров. Показали нашей учительнице пьесу, которую нашли в одном из журналов. Она посмотрела ее и сказала: «Нет, ЭТО вы играть никогда не будете. Мы будем ставить Мольера. Вы это читать не будете, а знать это надо». И мы учили целый год пьесу «Мещанин во дворянстве». Нам очень нравились длинные платья. Декольте были на шнурках, и можно было сделать вырез больше или меньше. Перед началом спектакля Елизавета Викторовна входила и затягивала вырез под шею, а перед выходом мы снова распускали.

Как-то раз к нам в школу привезли костюмы для спектакля. Мне достался костюм мушкетера. Я тогда зачитывалась Дюма, взяла костюм на выходные домой и решила совершить небольшую шалость. Ветреность вообще была для меня характерна. Я надела костюм и в таком виде отправилась пешком по Невскому проспекту к своей подруге Нине. Когда она открыла дверь и увидела меня, сразу ахнула: «В таком виде ты шла по городу?» Я посидела у нее и потом отправилась обратно домой. Когда уже подходила к парадному, меня остановила женщина и сказала: «Девочка, у вас на спине записка». Я попросила эту записку отколоть. Женщина отколола бумажку с моей спины. На большом листе бумаги Нинкиной рукой было написано: «Люся Губкина. Ученица 6 „В" класса». Губкина — моя девичья фамилия.

В 14 лет меня приняли в комсомол. В райкоме ВЛКСМ секретарь спросил меня: «Какая главная обязанность комсомольца?» Я растерялась: «Отдать жизнь за Родину?» «Нет, — поморщился секретарь, — главная обязанность — платить членские взносы».

После снятия блокады наш класс вернули в школу № 209, которая располагалась в бывшем институте благородных девиц. В самые трудные годы там находился военный госпиталь. В этой школе была роскошная парадная лестница, прекрасная акустика. Я помню, как вбегала туда утром, поднималась по лестнице на

третий этаж, и мне от радости хотелось порхать над землей. И я пела во весь голос: «Милая Аида…» Вбегаю в класс, моя подруга Флорка, которая у нас была самой умной, стоит у доски и решает задачу по физике. Она оборачивается ко мне и говорит: «Заставить тебя перестать петь мы не можем, но второй-то куплет ты можешь выучить?» Я так хохотала, так была довольна. Очень любила своих подруг.

В девятый класс к нам пришел с фронта новый литератор — Анатолий Соломонович. И у нас началась великолепная жизнь. Хотя ничего материального не было. Не было одежды, не было возможности наряжаться. Были только книги, литература. Три мои самые близкие подруги жили со мной в одном доме. Я бегала то к одной, то к другой. Мы начали читать Хемингуэя. Мы болели литературой и ни на что другое не обращали внимания.

Легкомыслие, с которым я совершала некоторые поступки, вызывает теперь трепет. Как-то раз наш новый учитель литературы Анатолий Соломонович решил провести в классах анкетирование, наподобие того, что в те времена проводились уже во многих американских школах. Было много вопросов по нравственности, искусству, культуре, истории. На вопрос «Любимый литературный герой» я, не долго думая, написала ответ: «Остап Бендер». На перемене я спросила у подруг, что написали они, и похолодела, узнав, что самыми популярными ответами были Павел Корчагин и Олег Кошевой. Я не зря испугалась. Меня потом со школьной сцены клеймили, анонимно, правда. А Анатолий Соломонович в целях моего обуздания даже разыграл сцену моего исключения из комсомола.

После войны мама продолжала работать на складе. Из эвакуации вернулись в квартиру прежние соседи.

22 июня было традиционным днем выпускных. Мы ждали, как по традиции наденем белые платья и будем ночью гулять по берегам Невы. В 10-м классе у нас были зверские экзамены — только по одной истории необходимо было проштудировать три учебника. Помню, как перед экзаменом мы бежали с подругами по школе, а навстречу нам шел наш литератор — Анатолий Соломонович. Он был в комиссии, и мы ему сознались, что из 48 билетов по истории знаем только первые десять. Он сделал вид, что ничего не слышал. На экзамене другие ученики вытащили все первые билеты, кроме одного — четвертого. Это был последний билет, который я знала. Объявили перерыв, я набралась смелости и подошла к представителю роно. «Остался последний билет, который я знаю. Четвертый», — сказала я. «Ой, какой ужас!» — услышала я в ответ. Потом мы вошли в класс. Она тоже вошла и начала приподнимать на столе билеты — один, второй, третий.

Приподняла очередной — и внимательно посмотрела на меня. Я подошла к ней, взяла этот четвертый билет и ответила на пятерку. Зато на экзамене по литературе меня было не остановить. Я начала читать стихи Лермонтова. Мне сказали: «Достаточно». Я топнула ногой, чтобы никто меня не перебивал, и продолжила читать.

Мне всегда нравились моряки, которые шли по Невскому проспекту в училище Дзержинского. Это было очень красивое зрелище. И когда обсуждали, кого пригласить на выпускной вечер, я убеждала всех, что нужно пригласить курсантов, это так красиво — мы в белом, они в голубом. Полная ожиданий, я спешила к школе. Какой удар! Это были курсанты третьих курсов, уже в звании офицеров. Фуражки, кортики… Я была так разочарована!

Школу мы окончили хорошо. Встал вопрос: куда поступать? Все подруги решили поступать в Ленинградский университет, и я — с ними за компанию. Мы вошли в это огромное главное здание, увидели коридор в зеркалах и с бархатными диванчиками. Я написала заявление на два факультета — на юридический и филологический. Сначала подошла к столику филфака и призналась женщине, принимавшей заявления, что сомневаюсь, куда поступать: то ли на филфак, то ли на юрфак. Она мне резким тоном ответила: «Если не уверены, идите на юрфак». Я обиделась на нее и подала документы на юридический факультет. Здание, в котором он располагался, мне нравилось. А для меня красота архитектуры всегда играла важную роль.

Экзамены я помню мельком. Сочинение писала на свободную тему — «Книга — лучший подарок». Я за него получила пятерку, а их было очень мало. Когда я приходила затем на другие экзамены, мне говорили: «Ох, как жалко портить вашу пятерку». И натягивали оценки. В итоге я прошла. А те мальчишки, которые помогали мне на других экзаменах и замечательно знали все предметы, не прошли. Пятый пункт — национальность — тогда начал работать. Мне было очень жалко: самые одаренные ребята в Университет не попали. На первом курсе нас было 200 человек, среди них — очень много фронтовиков.

В начале сентября 1948 года, когда я только пришла на первый курс, я решила не сидеть на лекциях зазря. Взяла и принесла с собой вышивку. Лектор читал лекции, а я сидела у окна, на солнышке, и вышивала. Комсомольцы сразу подняли тревогу. Устроили собрание, сделали мне выговор. Такой вот дурочкой я была.

На первом же курсе мы сделали нашу собственную газету «Не в бровь, а в глаз». Комсомольская организация сразу же собралась

и утвердила нас. Газету вывесили на факультете, но оказалось, что наши ребята написали что-то про политику, и газету запретили. В факультетской газете написали: «Вы били всех не в бровь, а в глаз. Настигла молния и вас!»

Мне кажется, что мое постоянное легкомыслие могло мне дорого стоить в те времена. Но судьба миловала. Я помню печальную историю об одном мальчике, учившемся с нами на первом курсе. Он сидел рядом со мной на лекции, попросил у соседа конспект и, взглянув на цитату Сталина, поставил вопросительный знак, сказав: «Это еще надо доказать». На следующий день его в Университете уже не было. Ему дали пять лет, и он вышел как раз тогда, когда все мы окончили вуз.

В Университете надо было заниматься общественной работой. Я пела в хоре, но без фанатизма, только для того, чтобы отчитаться.

Каждое утро я просыпалась под песню по радио («Кто в дружбу верит горячо…» или «Потому что у нас каждый молод сейчас…») и радостно бежала на троллейбус. Но как бы я ни торопилась, перед аудиторией уже маячили три фигуры — староста курса, комсорг и парторг — и записывали опоздавших. Если лекция уже началась, я, под укоризненными взглядами актива, на коленях ползла по проходу до первого свободного места.

В конце сентября юрфак всегда устраивал вечер в Доме учителя (Юсуповский дворец), и туда стремилась попасть самая модная молодежь. На одном таком вечере ко мне подошел пятикурсник с нашего факультета. Он как-то слышал, как я в факультетской библиотеке валяла дурака и смешила своих сокурсниц. Теперь, сев рядом, он начал говорить мне комплименты: «В Вас столько шарма…» Я не поняла. Он удивился: «Вы не знаете французского?» — «Нет!» А я уже приметила высоченного курсанта, который явно хотел пригласить меня танцевать. Я прервала своего собеседника, поднялась, ко мне подлетел курсант и мы пошли танцевать. Пятикурсник мой, презрительно посмотрев на меня, вышел в другую гостиную. Новый кавалер сообщил мне: «Мы к вам сюда прямо из „Мраморного", билетов у нас нет. Связали палаши и поднялись по ним на второй этаж». Я была разочарована: «Какая дубина!». Оставив его, пошла искать своего поклонника с пятого курса. Он сидел за роялем в Малой гостиной, окруженный студентками. Кинув на меня холодный взгляд, он продолжал играть. Ну не нравился мне ни он, ни долговязый курсант. Хотелось чего-то большего.

За мной решил поухаживать еще на первом курсе один

фронтовик. Он сел рядом со мной и, чтобы начать разговор, спросил: «Какие великие стройки коммунизма ты знаешь?» Я не знала никаких. А он не знал, о чем со мной разговаривать. Его звали Сергей Катькало. Он стал затем проректором Университета по кадрам. Он мне потом очень много помогал по жизни: устроиться на работу, Боре — поступить в Университет.

Любви к учебе и преподаваемым на юридическом факультете предметам у меня никогда особенно не было. Хотя у нас был один очень талантливый преподаватель, лекции которого я обожала, — Олимпиад Соломонович Иоффе.

Второй курс. Я бегу, как всегда опаздывая, по нашему большому коридору. Рядом бежит вместе со мной какой-то парень. Спрашивает меня, в какой у нас аудитории. Я ответила, подумала, что это мой однокурсник. Села за парту, а он прошел за кафедру. Никто на него в первые минуты не обратил внимания, все разговаривали, удивлялись, что это он встал за кафедру. Но уже через минут пять все как завороженные слушали его и не могли оторваться. Такой умница. Он читал гражданское право. Помню, что он брал мою зачетку и удивлялся, почему только по его предмету я получаю пятерки. Все потому, что только у него мне было интересно бывать на лекциях. Он был блестящим рассказчиком, я слушала его завороженно. Ради него я поступила в кружок гражданского права. Он тоже оказывал мне знаки внимания. Но у меня был Борис.

Фотоальбом к главе "Детство и юность"

1930

1934

Начало 30-а

Папа и мама

Marika

Я и мама, 1973 год

В центре – Орлорка, справа от нее – я

Ленинградский Государственный ордена Ленина Университет

Форма № 4

ИЗВЕЩЕНИЕ № 4493

Тов. Губкина (фамилия) 20 г. 7 1941 г.

Решением приемной комиссии от 1.8 1941 г.

№ 4 Вы допущены к вступительным экзаменам в Ленинградский Университет

Принятые документы получите с 1.8 Ленинград, Университетская набережная, д. 7/9.

Вам надлежит явиться до вперед: Ленинград, Университетская набережная, д. 7/9.

Ваш матрикулярный лист № 4493

В случае вы не в установленный срок Вы не будете допущены к экзаменам

Напоминаем вам с собой паспорт, приписное свидетельство, военный билет

Ответственный секретарь 1941 г.

Которая в нижнем ряду – я

БОРИС

Еще на первом курсе перед одним из праздников я поднялась по лестнице выше этажом в гости к своей подруге Ире. Она сказала, что будет вечеринка, на которую кавалер нашей подруги Флоры приведет своих друзей-третьекурсников. Но она предупредила, что на этом вечере будет один интересный молодой человек со своей девушкой, на которого нельзя иметь никаких видов.

Наступил вечер. Я пришла к Ире в гости. И там впервые увидела Бориса. Он пришел со своей красавицей девушкой, которая приехала из Кисловодска и собиралась стать актрисой. Я увидела его и почувствовала, насколько он отличается от всех остальных ребят. Его отец и до и после войны был большим начальником, руководил Балтийским флотом. У них была огромная квартира, машина, дача. Он никогда не знал нищеты. Видимо, это отложило отпечаток на его манеру говорить, держаться, вести себя. Он пришел из того мира, которого я не знала. В моем мире были только книги, все остальное было скупым и убогим. Борис учился в мореходном училище и уже был за границей.

Он поразил меня до глубины души. Тем вечером я спустилась к себе в квартиру и сказала в темный угол, где должна была быть икона (хотя у нас ее не было): «Господи, я у тебя ничего больше просить не буду, я хочу его в мужья».

После войны началось лихорадочное веселье. Мирная жизнь опьянила нас. Билеты во все театры стоили копейки. Отец моей подруги Флоры был директором Театра комедии, и это место стало для нас родным домом. Мы ходили туда на все пьесы. Праздники сменяли праздники. Мы все время веселились.

В следующий раз, когда собралась наша компания, Борис пришел уже без своей девушки. В него были все влюблены. И вот он собрался уходить. Я решила, что тоже пойду. Моя подруга Флора прошептала: «Тише, как не стыдно, дай ему уйти». Я ей в ответ: «Нет-нет, я с ним». Мы вышли вместе, он проводил меня до дома и сказал: «А почему мы с тобой должны встречаться только на праздниках. Можно я к тебе буду заходить?» Я представила себе нашу нищенскую комнату, где у нас ну ничего не было. Я сказала: «Нет, ко мне нельзя».

Так мы продолжали встречаться на праздниках. Год или два. Он постоянно уходил в плавания. Университет, экзамены, подруги, праздники. Все пролетело весело и незаметно.

Как-то мы поехали к Ире на дачу отмечать Новый год.

Вечером ходили гулять, затем был ужин с шампанским. На ночь разошлись по комнатам. Девушки в одну, ребята в другую. Когда все вроде бы улеглись, мы решили подкрасться к двери и послушать, что они о нас говорят. Мы были сильно разочарованы, потому что они говорили исключительно о технике. Шутки по поводу какой-то «подвески кордана» вызывали ужасный хохот.

На обратном пути он мне в электричке сказал: «Выходи за меня замуж». Я так испугалась. Я знала, какая жестокая штука жизнь. Мне необходимо было получить специальность. Я дрожащим голосом сказала: «Только когда я окончу университет». Он невозмутимо ответил: «Хорошо, я подожду». И действительно ждал.

Борис был для меня, словно принц из сказки. Не понимаю, что он во мне нашел. Чем я его привлекла. Наверное, все потому, что мне он так запал в душу, что я не спускала с него глаз, ловила каждое его слово. Только на него внимание и обращала, другие молодые люди вокруг для меня не существовали.

У них на курсе было кругосветное плавание. Когда Борис в него ушел, я отправила ему на корабль радиограмму. Девушка, которая ее принимала, взяла посмотреть. Она была молодой и любопытной. Там было написано: «Горе мое, сижу Пенелопой». Девушка спрашивает: «ГорЭ, вы его так зовете?» Я отвечаю: «Не горЭ, а гОре!» «А кто такой ПенелопОй?» — не унималась она. «ПенелОпа, жена Одиссея», — гневно отвечала я. «А сколько ей было лет?» — любопытствовала она. «Какой период Вас интересует, она дожила до старости!» — я уже начала шутить.

А до моей радиограммы послание Борису отправлял его друг Марк. Оно было тоже сложного содержания: «Улита едет, когда-то будет». Марк сообщал о том, что Борис не успевает к празднику.

В итоге после двух таких радиограмм Бориса вызвали к капитану корабля. Они подумали, что ему присылают какие-то шпионские шифровки.

Бориса очень долго не было. И когда они всем курсом вернулись, то устроили в гостинице «Европейская» большой праздник. Было человек десять товарищей Бориса со своими подругами. И я была с ним. Он не любил танцевать, а тут играла музыка, и все вокруг танцевали. За соседним с нами столиком сидели двое пьяных грузин. Один увидел интеллигентную пару, подошел к ним и что-то сказал. Они испугались, вскочили, расплатились по счету и убежали. Затем этот же грузин увидел нас с Борисом. Все остальные танцевали, мы вдвоем сидели за столиком. Он подошел к нам: «Можно пригласить вашу даму танцевать?» Борис подтянул его к себе и прошептал что-то на ухо. «Какой замечательный молодой человек! Какой замечательный

молодой человек!» — закричал грузин. Побежал к своему столу, взял бокал, снова подбежал к нашему и произнес: «Твое здоровье, дорогой!»

Я спросила у Бориса, что он сказал этому человеку. «Что нужно пьяному? — рассудил Борис. — Пьяному нужно доверие. Я сказал ему, что люблю тебя и не могу позволить, чтобы ты танцевала с другим мужчиной. Грузину это понятно». Тут за стол вернулся друг Бориса и пригласил меня на танец. Грузин залился краской и снова подбежал к Борису. Тот его снова притянул к себе и что-то сказал. «Какой замечательный молодой человек!» — вновь выкрикнул грузин. Я вернулась и спросила, что сказал Борис на этот раз. «Я сказал ему, что это мой друг, а для друга я готов даже любимой пожертвовать. — Это грузину тоже понятно». В общем, Борис был умница и такой дипломат. Я без него уже 37 лет, но мне его так не хватает. Он всегда рядом.

Из путешествия Борис привез мне кимоно, на которое истратил все заработанные за поездку деньги. Оно было ярко-красным, с вышитым золотом драконом на спине. Когда он принес домой этот подарок, его мама и сестра в один голос заявили, что дарить такое девушке неприлично. А все потому, что кимоно очень понравилось сестре Бориса. В итоге, мне достался отрез бархата, из которого мне сшили длинное, до пола, платье. В нем я отправилась с Борисом на его выпускной.

После того как Борис окончил мореходку, он поступил научным сотрудником в НИИ Морского флота. Когда он выпускался, то сказал, что его могут послать работать и в Сибирь, и на Дальний Восток. Он хотел услышать от меня проникновенные слова: «С тобой — хоть на край света». А вместо этого я сказала, что никуда из Ленинграда не уеду и, если уедет он, я не выйду за него замуж. Я знала, что не хочу переносить трудностей. Он расстроился, но устроился в институт, а я перешла на пятый курс.

Впервые я пришла к ним в гости на день рождения сестры Бориса. Они жили в огромной пятикомнатной квартире на улице Жуковского. Свекровь была очень недовольна выбором своего сына. Свекор, наоборот, одобрял выбор Бориса, он был очень милым человеком, начальником Балтийского флота, его именем назвали пароход — «Александр Гребенщиков». У них в гостях были адмиралы и генералы. Я пришла домой из гостей, мама начала купать меня в ванной, я ей рассказывала, что среди приглашенных были адмирал Руль, генерал Алымов. Мама спрашивает: «А ты им сказала, что твоя мать практически уборщица?» Ее уязвило, что я так падка на эти чины.

Как-то на гастроли в Ленинград приехал МХАТ. Я очень

хотела пойти на «Идеального мужа», билеты было невозможно достать. Я сказала об этом Борису. Он ответил: «Нет проблемы, я скажу отцу, и он закажет билеты». В день спектакля я пришла к Борису вместе с нашим общим другом Марком.

— Ну как, идем? — спросила я.

— Отец звонил, ему сказали, что сегодня нет этого спектакля, — ответил Борис.

Я позвонила в театр и узнала, что спектакль идет. Я начала говорить Борису все, что я о нем думаю. Чем дальше, тем больше. Он был очень сдержанным человеком. Он подошел к письменному столу. Я увидела, что он достал револьвер отца. Затем развернулся и говорит мне: «А теперь я тебя убью!» Марк не выдержал: «Ну вас к черту! Прекратите выяснять отношения, пока я не уйду». Борис ему сказал: «Неужели ты думаешь, что если я убью ее, то мы с тобой останемся». Тут уже я разрыдалась, и мы помирились.

Мы с Борисом часто ссорились. Он сбегал ради меня из училища, часто опаздывал, я ждала его, нервничала, мне дорога была каждая минута. Потом он приходил, и я говорила ему, что между нами все кончено. У меня до сих пор сохранились записки, которые он подкладывал под дверь, когда я ему не открывала. Борис их писал, просовывал под дверь и поднимался этажом выше, ждал, пока я остыну.

На моей стене висел его портрет. Однажды, вспылив, он схватил свой портрет со стены и начал его топтать. Я как закричу: «Не трогай, не твое!» И снова повесила на стену.

Перед нашей свадьбой мы поехали в Сочи в роскошный санаторий Дзержинского, который строили еще немцы. Поблизости находились дачи высших партийных начальников. Я не имела права находиться там, отец достал путевку в этот санаторий только для Бориса. Он же снимал для меня комнату у служащих этого санатория. Таким образом, мы находились рядом друг с другом. Я увидела море, великолепие дворцов, пальмы. Я почувствовала себя такой оскорбленной — почему я должна была жить в нищете, когда вокруг существовала такая красота. С начала пятидесятых годов я ездила в этот санаторий каждый год, узнавала пути, лазейки, как туда попасть.

Может быть это мой недостаток, но я была очень целомудренной. На второй год нашего знакомства он попытался меня поцеловать. Мы же росли в такой нравственной обстановке, ничего не знали о взаимоотношениях полов. Я так испугалась, как будто под поезд попала. Я его оттолкнула и сказала: «Я тебя не люблю». Больше с поцелуями он до свадьбы ко мне не лез.

Мы расписались 30 июля 1952 года. Мне очень хотелось,

чтобы свадьба была в день моего рождения. Но свекровь сказала, что они не успеют сшить себе к свадьбе платья, поэтому решили отложить до 9 августа. А я все равно хотела, чтобы мы поженились в день моего рождения. Поэтому 30 июля мы с Борисом пошли в ЗАГС, и нас расписали. Но родители ничего не узнали. 9 августа нам дали машину, мы опять поехали в ЗАГС, посидели там во дворе и вернулись назад. Было большое торжество, присутствовали все высокопоставленные гости, друзья отца Бориса.

После свадьбы нам отвели в квартире Бориса две комнаты — спальню и кабинет. Мы начали жить вместе.

Борис постоянно изобретал новые приборы для моряков, все время находился в плаваниях. Когда он был дома, мы веселились в нашей компании, с моими подругами и его друзьями.

Когда я уже была беременна, я ходила на обследование в больницу. Мне сказали, что у меня будет девочка. Я ужасно расстроилась, потому что хотела исключительно сына. Борис вернулся с работы, а я вся в слезах.

— Что такое? — спросил он.

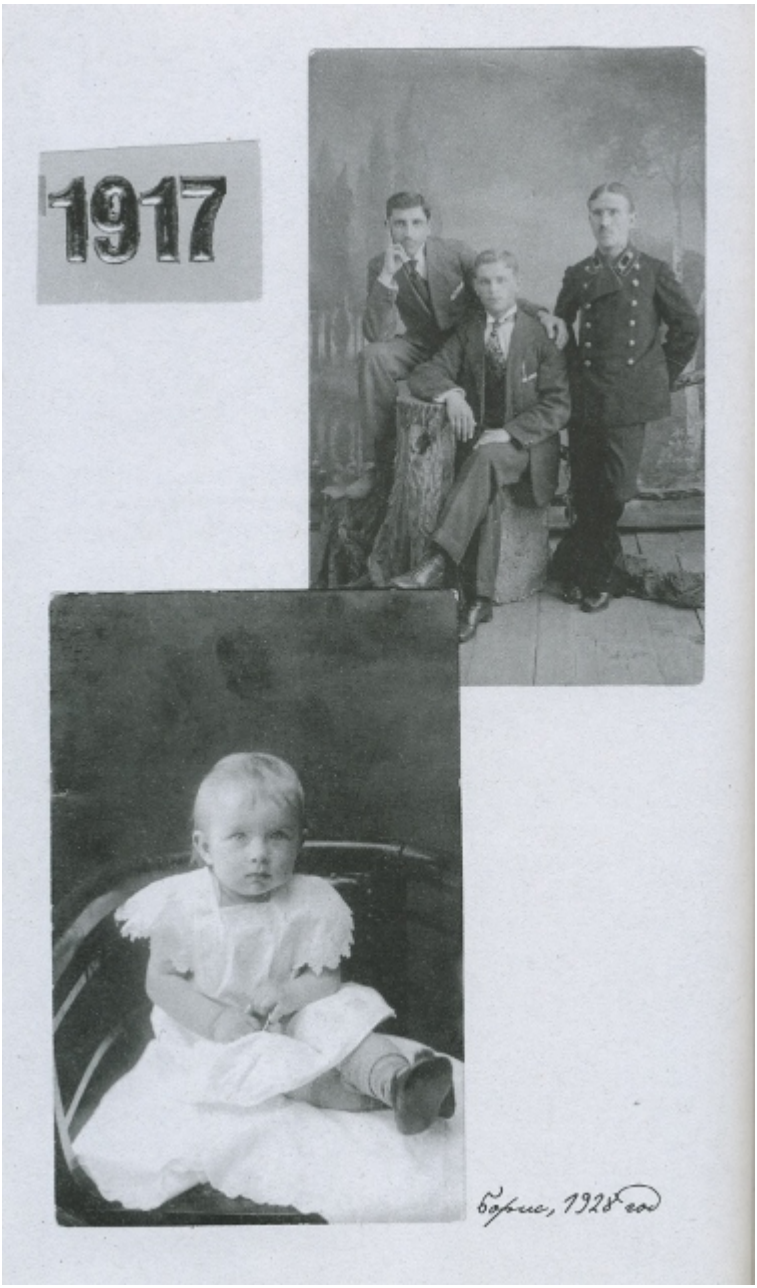
— Будет девочка, — всхлипывая, ответила я.

— Ну и что?

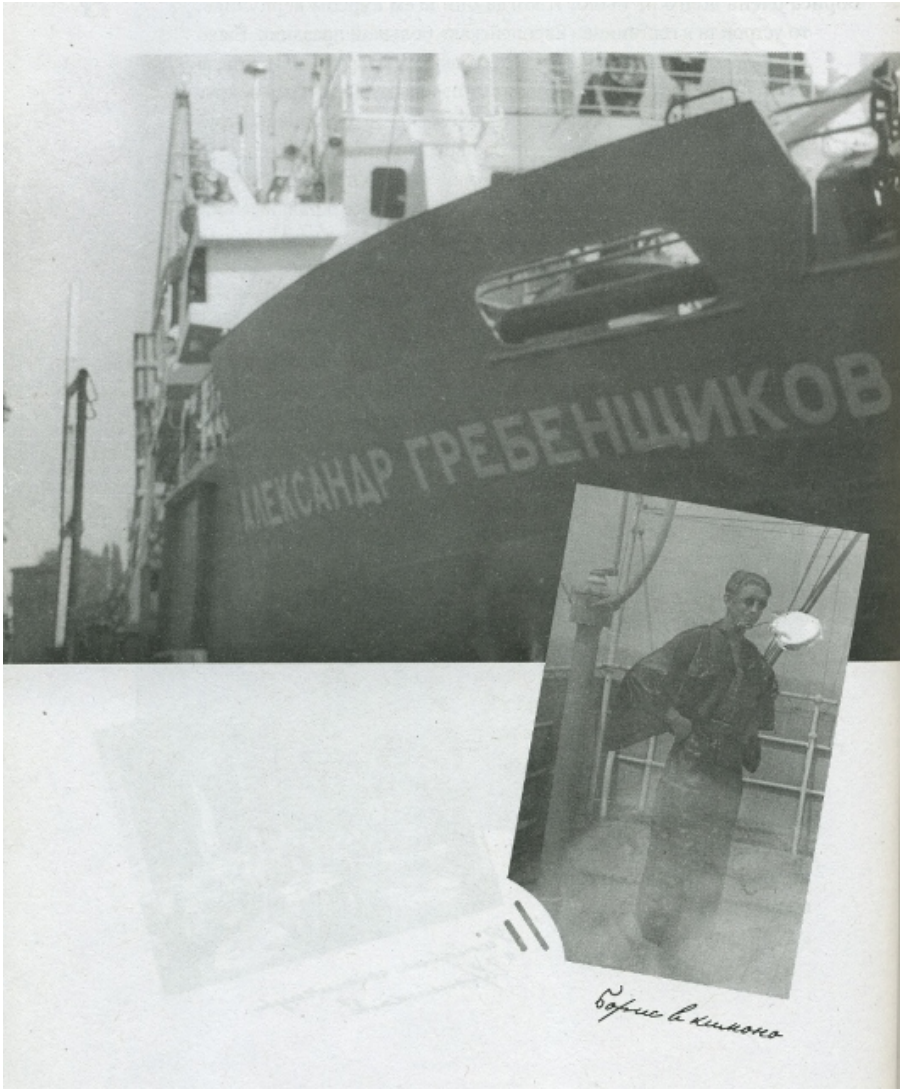
— Как ну и что! У меня же должен быть Боренька.

Возможно, от моего отчаяния у меня все-таки родился мальчик.

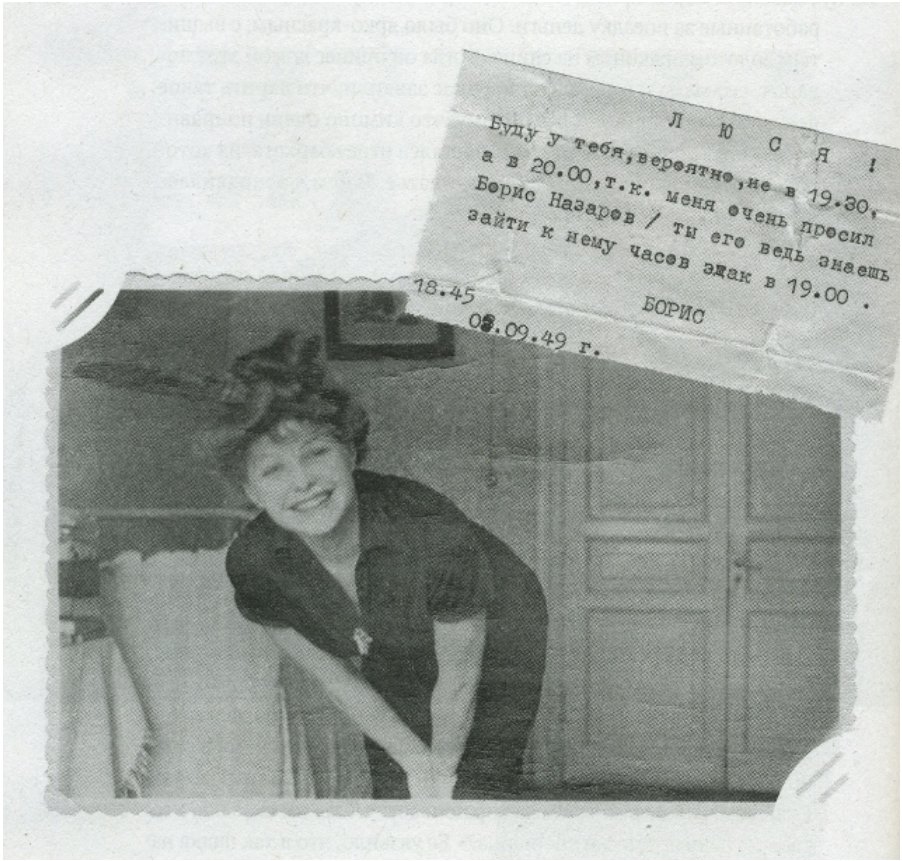
Фотоальбом к главе "Борис"



На дані. Я – третьою справа



Борис в кимоно


Л Ю С Я !
Буду у тебя, вероятно, не в 19.30,
а в 20.00, т.к. меня очень просил
Борис Назаров / ты его ведь знаешь
зайти к нему часов эдак в 19.00 .
БОРИС
18.45
08.09.49 г.

30 июня 1952 года

БОРЕНЬКА

Первые пять лет семейной жизни я нигде не работала. Рабочих мест для юристов создавалось крайне мало, все выпускники стремились остаться в Ленинграде, поэтому конкуренция была огромной. Я и не особенно хотела идти работать в юриспруденцию. Практика в судах, которые, как правило, располагались в грязных и убогих подвалах, произвела на меня угнетающее впечатление.

Утром все, кроме меня, уходили на работу. Я оставалась одна в огромной пятикомнатной квартире. В столовой традиционно играл радиоприемник. Затем у нас появился телевизор. С самого утра я заводила пластинки, которые во множестве привозились отцу Бориса из-за границы. Я любила и без конца слушала Петра Лещенко.

Мой муж часто плавал в рабочие командировки на кораблях. Незадолго до рождения Бореньки он побывал в Англии, там в 1953 году проходила коронация королевы Елизаветы II. Борис привез массу фотографий, альбомов и пластинку «Истамбул-Константинополь». Это был первый рок, который я услышала в жизни. Мне эта музыка очень понравилась. Я без конца ее слушала. В этот же год в нашу стану впервые было привезено индийское кино — кинофильм «Бродяга» Капура.

Я попросила своего мужа сходить в кино вместе со мной, хотя сеанс был прямо в тот день, когда Борис вернулся из Лондона. На следующий день муж отвел меня в больницу. Было пора. Таким образом, получается, что, еще не родившись, Боренька слушал то рок, то индийскую музыку. Я меры не знала, слушала две эти вещи без конца.

Боря родился в Снегиревке, родильном доме имени Снегирева. Когда в больнице санитарка меня переодевала, она спросила, куда складывать мои вещи. Я попросила отдать их мужу. Борис стоял в коридоре. Санитарка вышла и через минуту вернулась со словами: «Какой мужик у тебя шикарный, а ты такая невидная бабенка. Знать, в тебе изюминка какая-то есть». Под эти слова я прошла в родильное отделение. Меня захотела осмотреть большая группа студентов-медиков, но я им не далась. Их руководитель назвала меня за это «несоветским человеком». Потом начались очень сильные боли. Я кричала на все отделение, но так и не могла ни до кого докричаться. Наконец одна из врачей, которая все это время увлеченно обсуждала график своего дежурства, посмотрела в мою сторону и сказала: «Что это за американку нам тут привезли?» Меня всегда поражало, как

политизированно они ругались. Что было потом, плохо помню. Очень сильная боль, которая начала спадать в те самые минуты, когда акушерка, выдохнув, сказала мне: «У вас мальчик».

Все кончилось. Ребята-студенты, которые все-таки присутствовали при родах, сказали, что мальчик очень хорошенький, похожий на меня. «Лучше бы был похож на мужа», — ответила я. «Почему, — возразил один. — Вы очень хорошенькая». Девушки-студентки, фыркнув, отошли от него. Меня потом это очень поразило. В такой напряженный момент он решил мне комплименты делать! В итоге, когда меня увозили, врач, принимавшая роды, шепнула вдогонку: «Интриганка». Она так странно ругались. Видимо, более крепкие слова им запрещали употреблять.

В первый день после родов я лежала в палате, а ребенка мне не приносили. Хотя другим женщинам новорожденных принесли, и они сразу же начали с детьми говорить. «Глупые, — подумала я. — Ребенок же ничего не понимает. Зачем с ним разговаривать». И вот на следующий день мне принесли сверточек — маленького Бореньку. И я сразу же услышала свой голос. Это было такое счастье! Я говорила с ним не останавливаясь.

Борис сиял от счастья, узнав, что у него родился сын. Он помчался к моей матери, сообщить ей эту новость. Вообще, мужчин не пускали в родильное отделение, к молодым мамам. Но при помощи друга, у которого в этой больнице работала мать, Борису удалось договориться о встрече со мной. «Идите в другую палату, — шепнула мне медсестра. — К Вам муж пришел». Все вокруг завистливо переглянулись: надо же, какой мужчина — ухитрился договориться о свидании с женой. Я тогда разволновалась, как выгляжу. У меня ведь не было с собой ни косметички, ни даже зеркала. Я намазалась зубной пастой и напудрилась зубным порошком. И вошла в другую палату в таком виде. Муж так испугался!

Когда я приехала домой, то вся квартира была усыпана цветами и подарками. В нашей спальне уже стояла детская кроватка. Так началась наша семейная жизнь втроем. Молока у меня было много, и я кормила Бореньку грудью. Все уходили на работу, а я оставалась с ним. И с нашей музыкой.

***

Как-то, году в 1954-м, опять приехал МХАТ. Я купила билеты и написала мужу письмо: «Боря, я хочу пойти с тобой в театр. Буду ждать тебя у входа». Вечером мы вместе возвращались

домой. Вошли в парадное, он остановился внизу и с кем-то еще разговаривал. Почтовый ящик у нас висел на двери. Я опустила в него письмо и зашла в квартиру. Через несколько минут поднялся Борис. Я слышала, как он хлопнул почтовым ящиком. Но, когда он появился на пороге, письма в его руке уже не было. Я заподозрила что-то неладное. Письмо ему, и он его от меня прячет. На следующий день он ушел на работу, а я открыла шкаф и стала ощупывать его выходной костюм. Там лежали билеты в театр, но письма не было. Я порвала эти билеты в мелкие кусочки и ссыпала снова в карман. Вечером я спросила: «Ну, что же мы будем делать в эту субботу?» А у него должно было быть выступление по телевизору. Он изобрел какой-то прибор и должен был его представлять. «Ты знаешь, — сказал мне Борис, — у меня в субботу будет репетиция телевизионного выступления». Я подумала: «Ничего себе». Тогда он меня успокоил: «Ты уже вся извелась за эту неделю. Что ты думаешь: если ты поднималась раньше, а я слышал, как стукнул ящик, то ты должна была либо положить письмо, либо его вынуть. Поскольку в ящике оказалось письмо, то я понял, что оно от тебя. Так что ты хотела, чтобы я пришел и предложил тебе вместе почитать твое письмо ко мне. Я тебе подыграл». Я тогда расстроилась, рассказала, что порвала билеты, но мы все-таки решили попробовать пройти по ним на спектакль. В театре я ссыпала билетерше эти обрывки, она как ни в чем не бывало нашла среди них квиток «контроль» и вернула мне остальное обратно. Я поняла, что не первая и не последняя рвала билеты в театр.

К родителям мужа регулярно по воскресеньям приходили в гости друзья. И мне, как не обремененной работой и самой свободной в семье, поручали придумывать художественную программу для воскресных вечеров. Мне так хотелось, чтобы Боренька скорее вырос и смог принимать участие в моих задумках.

В три с половиной года Боренька начал принимать участие в наших воскресных праздниках. Я его наряжала то клоуном, то романтическим героем. С нами же жила его двоюродная сестра Танечка. Они регулярно вместе выступали. Как-то вечером мы репетировали танец. Таня играла на пианино, а Боря танцевал польку. Вдруг они переглянулись и отчего-то засмеялись. Я шлепнула сына. Он не обиделся, не заплакал, а попросил у меня прощения и продолжил танцевать. Видимо, Боря уже тогда понял, что искусство — это серьезно.

Во время этих праздников я сама одевалась Бабой-ягой, гримировала всех участников представления. Я бегала по квартире с клюкой и по-дьявольски смеялась. Как-то Боря

испугался моего страшного образа и уточнил: «Мама, мы ведь с тобой за одно?» Однажды вместо ожидаемых гостей к нам в квартиру позвонил почтальон. Я этого не знала и побежала открывать ему в таком ужасающем виде Бабы-яги, дико хохоча. Человек, принесший письмо, очень испугался.

В это же время у меня появились друзья-филармонисты. И у них уже в конце пятидесятых годов была ручная кинокамера, привезенная, очевидно, откуда-то из-за границы. Они засняли на нее один из наших праздников. Мы тогда устроили корриду. Но Боря поставил условие, что не будет убивать быка шпагой, а застрелит его из пистолета. Ему как раз тогда наши друзья привезли из Японии игрушечный пистолет, который имитировал стрельбу с огнем. И вот все гости расселись в гостиной, Боря выходит перед ними в парадном костюме матадора, встает на одно колено перед «ложей», где сидит и обмахивается веером Танечка, дама его сердца, и говорит: «Тебе отдаю я от всего сердца этого быка». Полагалось произнести фразу «Тебе, даме моего сердца, я посвящаю…», но Боренька, видимо, смутился и все упростил. Выбегала из другой комнаты еще одна девочка, изображавшая быка, Боря стрелял из пистолета, и затем все участники представления танцевали испанский танец.

Филармонисты в моей жизни вообще сыграли особенную роль. В конце пятидесятых годов моя школьная подруга вышла замуж за скрипача из оркестра под управлением Мравинского. Она начала устраивать у себя дома по понедельникам праздники, на которых мы с Борисом регулярно бывали. Там было много музыкантов, и у нас сложилась теплая компания из десяти человек, мы ходили на концерты и друг к другу в гости. Среди наших друзей была чета Стадлеров. Сейчас Сергей Стадлер очень известный скрипач.

Мы очень сдружились с одним виолончелистом, Алешей, и его женой-скрипачкой Миррой. Они регулярно ездили на гастроли, привозили нам из-за границы пластинки. У них был сын Игорь, несколькими годами старше Бори, который тоже начал принимать участие в наших домашних спектаклях.

Алеша и Мирра еще не имели своей квартиры, они стояли на нее в очереди. Сначала жили в общежитии консерватории, а потом начали снимать комнату в Озерках. День рождения Мирры мы решили справить у нас дома, на Жуковской. Чтобы не ехать к ним в Озерки. У нее в этот день был концерт в Филармонии, и я отправила Бориса встретить ее с цветами у служебного входа. Он сначала сопротивлялся, но затем уступил мне. Ко времени окончания концерта у служебного входа уже толпилось много народу. Борис стоял с цветами, все на него одобрительно

смотрели. Вдруг открылась дверь и вышел Леопольд Стоковский[1]. Увидев человека с цветами, он остановился. Борис спрятал букет за спину. Ситуация вышла нелепая, и теперь публика смотрела на Бориса неодобрительно. Стоковский пожал плечами и перебежал через дорогу, к гостинице «Европейской». Затем вышла Мирка, Борис подарил ей букет и привел к нам домой.

***

Когда у нас появился первый телевизор, Бореньке было около года. В восемь часов он всегда садился перед экраном, чтобы смотреть детскую программу. Когда она запаздывала, он начинал сердиться и кричал в экран: «Дядя! Певедача для детей!!!»

Помню как-то по телевизору один индийский актер изображал крокодила. Боря уже спал, но я подняла его с постели, чтобы он обязательно это посмотрел. Я старалась, чтобы ребенок видел все то интересное, что происходило вокруг.

Весь окружающий мир Боря воспринимал как продолжение своей семьи. Мы ходили гулять по Невскому проспекту. Боренька шел такой веселый, в красном пальтишке с капюшоном, и отдавал честь всем военным. Те, кто был поумнее, тоже прикладывались к козырьку.

Как-то мы ехали в троллейбусе. Боря сидел у окна, мы как раз огибали большую площадь, на которой находилась милицейская будка. Милиционер посмотрел в окно и засмеялся. Я спросила у Бори, что он такое сделал. «Ничего, мама, — ответил он. — Я просто ему подмигнул: стоишь, постовой!»

Когда Боре было четыре года, мы снимали дачу в Белоострове. Уже в этом возрасте он преподал мне урок воспитания. Хозяин дачи красил забор и, оставив кисть и ведро с красками, ушел куда-то передохнуть. Боря взял кисть и начал красить ею вместо забора дом. Я как увидела это — закричала, отшлепала его, притащила в дом. Затем отлучилась. Возвращаюсь — Бори нет. Я бегу на поиски. Вижу за домом Борю, продолжающего, всхлипывая, красить дом. Я отшлепала его еще сильнее. Сказала, что все будут ходить в лес, на речку, а мы с ним поедем в город. Боренька хлопал-хлопал невинными глазами, а потом спросил: «А почему?» «Да потому, что хозяин нас прогонит», — ответила я. «Мама, так ты бы сразу так и сказала, — рассудил Боря. — Я бы не красил». Я сразу поняла, насколько дети бывают умнее взрослых.

Там же, на даче, мы организовали театральный кружок.

Танечка, которой было уже восемь лет, собрала своих подруг. Мы решили устроить для взрослых представление. Склеили костюмы из цветной бумаги, Боря тоже участвовал в их создании. Наибольшим успехом пользовался показ модной коллекции одежды. Боря демонстрировал костюмы для всех возрастов, от детских до костюмов для людей пожилого возраста. Я все это довольно смешно комментировала, и взрослые хохотали до упаду.

Когда Боре исполнилось пять лет, моя мама вышла на пенсию, и я смогла начать работать. Утром я отводила сына к маме на улицу Восстания, а вечером забирала. Работу пришлось искать еще и потому, что мужу платили немного и с деньгами в нашей семье было довольно напряженно. В детстве во Дворце пионеров я научилась неплохо рисовать — ходила в секцию ИЗО. И вот моя знакомая, работавшая в Доме моделей, сказала, что им в издательскую группу требуются художники. Я отправилась к ним со своими рисунками, и меня приняли на работу. Так я начала работать в Доме моделей. Это был 1958 год.

В первой половине дня Боря с бабушкой ходили гулять в садик. Там Боря регулярно играл с соседскими девочками. Как-то раз он пообещал им вернуться на детскую площадку после обеда. Но бабушка строго сказала, что после обеда он никуда не придет. Уже дома Боря очень рассердился и сделал выговор бабе Кате: «Как ты могла сказать, что я не приду! Кто здесь хозяин, я или ты?» У Бореньки не было никакого сомнения, что он хозяин в доме.

В пять лет мы начали учить Борю музыке. В гостиной у родителей Бориса стояло пианино, и к нам еженедельно приходил учитель, который давал Бореньке частные уроки. За один год они прошли трехлетнюю программу. Учитель сказал, что мальчик у нас очень способный. Но, как только мы переехали в другую квартиру, возможности играть на пианино не стало — просто-напросто не было инструмента. Я просила друзей-музыкантов помочь приобрести недорогое пианино, но они меня отговаривали. «Ты видишь, сколько наши дети занимаются? — говорили они. — Ты хочешь из него профессионала сделать? Зачем ему учиться играть на рояле? Чтобы затем поражать девочек фокстротом? Перебьется». Так пианино у нас и не появилось. А может быть, Борис Гребенщиков сейчас бы симфонии писал.

Я рисовала модели с манекенщиц. Их одевали в образцы одежды, мы зарисовывали, нужно было сделать всего два наброска в день, это было плевым делом. Большая часть рабочего дня была свободной. Я сидела в творческом кабинете вместе с

коллегами, мы беседовали, читали книги, листали французские журналы. Работа была очень веселой, но со строгим расписанием. Необходимо было к восьми утра ехать с Московского проспекта на Невский и до пяти часов вечера строго находиться на рабочем месте.

Абсолютно неожиданно для меня Боря в пять лет начал читать. Еще раньше он просто рисовал буквы. Я думала, он меня разыгрывает своим чтением. Но когда, читая про себя, он рассмеялся, я поняла, что все по-настоящему. Мама показала Боре, как читать, а дальше он самостоятельно научился.

«Алые паруса» Грина произвели на Борю огромное впечатление. Красота поступка героя запала ему в душу. Прочитав книгу, он весь сиял.

По телевизору Боре нравились фильмы про военных и про войну. Он начал писать с обложек воображаемых книг. У меня многие эти каракули сохранились. «Подвиг летчика» — писал Боря на одной стороне листа. На другой подписывал: «Цена 1 рубль». Откуда он брал эти идеи, я не знаю.

Собираясь гулять вместе с кузиной Танечкой, Боря брал с собой автомат и метелку. Таня сердилась и приговаривала: «Или ты дворник, или военный». «Я военный дворник!» — отвечал ей Боренька.

Как-то на столе я увидела письмо в конверте. На нем Бориной рукой было написано: «Москва. Кремль. Хрущеву». Я испугалась. Поспешно открыла конверт и прочитала: «Дорогой Никита Сергеевич! Я все про вас знаю. Я знаю, что будет совещание на высшем уровне. Давайте переписываться». Ни подписи, ни обратного адреса Боря не поставил, это меня успокоило. Как раз тогда должно было состояться парижское совещание на высшем уровне, но Хрущев его отменил.

***

На следующее лето, когда Боре было шесть лет, мы начали снимать дачу в Белоострове. Неподалеку от нашего дома располагалась военная часть. Как-то раз мы увидели военных на поляне. Боря пришел в такой восторг! Он помчался к ним, стал им петь и танцевать. Молодые ребята от души радовались такому развлечению, а командир части сказал сыну, что, когда он вырастет, может прийти к ним.

У Бориса в это же время была командировка на Северный полюс, со специальным заданием, связанным с эксплуатацией советских подводных лодок. Когда он вернулся, то сразу же

поехал на дачу. Боренька издалека увидел отца, приближающегося к дому, и закричал:

«Миленький, любименький, как долго я тебя ждал. Сладкий мой!» Мы с бабушкой очень удивились, так как никогда не замечали за Борей подобных приливов нежности. Он побежал к отцу навстречу. Как оказалось, Борис просто-напросто нес в руках арбуз. Именно на арбуз так импульсивно отреагировал Боря…

В конце пятидесятых у некоторых наших друзей начали появляться машины. Мы не могли себе этого позволить. Борька спросил: «А когда наша очередь подойдет?» Мы с мужем переглянулись, не зная, что ответить. Боря рассердился: «Вы что, очередь не заняли?» Он жутко расстроился. Чтобы его успокоить, я решила купить для него лотерейный билет за 20 копеек с машиной в качестве главного приза. Он засиял, шел по улице полный счастья. Я его предупредила: «Боренька, а ведь ты не обязательно выиграешь машину». Он удивился: «Как же не обязательно, если я купил билет?»

В пять лет я прочитала Боре вслух «Кондуит и Швамбранию» Льва Кассиля. Затем, поскольку Боренька уже начал читать самостоятельно, я решила подкладывать ему письма от Швамбранов с предложениями класть ответы на них в галоши под вешалкой. Через некоторое время он с горечью сказал:

— Никаких швамбранов нет.

— Почему? — не понимала я.

— Я кладу и кладу письма в галоши, и никто их не вынимает.

Это была моя вина. Я действительно забыла о том, что нужно вынимать письма, и не доиграла начатую игру до конца.

Однажды нам пришло письмо на имя Бори. Я открыла его и прочитала. «Дорогой Боря, других книг Жозефа Рани-старшего больше нет. Но тебе рано читать такие книги. Читай лучше „Как стать великаном"». Я удивилась и спросила у Бори, правда ли он писал письмо в издательство? Боря невозмутимо ответил: «Так в конце книги ведь было написано, что ребята могут писать отзывы по такому-то адресу. Я и написал».

Боря все время хотел скорее пойти в школу. У нас была игра: с портфелем Танечки он шел со мной за руку до ближайшей школы, заходил в нее на несколько минут, затем снова появлялся. Я ждала его у выхода.

В 50-60-е годы книг в свободной продаже не было. Начались подписки на издания. В очереди за подписным Жюлем Верном я, как сейчас помню, стояла всю ночь. Какая-то старушка проходила мимо и спросила: «Милые, а за чем это очередь такая?» Чья-то домработница, приплясывая от холода, фыркнула: «„Детей капитана Гранта" будем читать, бабушка». Так в нашем доме

появились 12 томов Жюля Верна. Их и стал читать Боря.

В шестидесятом году мы приняли решение разъехаться с родителями мужа и съехаться с моей мамой, которая бы полностью взяла на себя заботу о внуке. Мы разменялись и переехали в Московский район, в двухкомнатную квартиру в доме на Алтайской улице, неподалеку от монументального здания Дома Советов. Боря жил в одной комнате с бабушкой, мы с мужем — в другой.

Первого сентября Боря пошел в школу. До этого он с упоением читал Верна, капитан Немо был для него кумиром. Поэтому я попросила мужа прислать Боре 1 сентября радиограмму от Немо. Боренька собирался, уже готов был идти на линейку, как вдруг раздался звонок. Вошел почтальон и вручил ему радиограмму. Прочитав: «Мой мальчик, с гордостью слежу за твоими успехами. Капитан Немо», Боря покраснел, затем побледнел. Я подумала, уж не перегибаю ли я палку своими фокусами. Потом мы отправились на праздничную линейку. А когда Боря вернулся из школы, я спросила его, как ребята реагировали на то, что капитан Немо прислал ему телеграмму. Боря расстроенно ответил, что никто из его одноклассников не знает, кто такой капитан Немо.

Эта короткая история очень показательна. Боре с самого начала было трудно общаться с одноклассниками, и он мне на это жаловался. Я сказала: «Пойми, для своих лет ты очень развитый мальчик». Он спросил: «Мама, а нельзя ли затормозить мое развитие?» Ему важнее было играть с ребятами. В итоге все утряслось, у Бореньки появилось много друзей и товарищей по играм-прогулкам. До школы у него друзей не было, в детский садик он не ходил.

Я хотела устроить Борю в английскую спецшколу. Но у нас никак не получалось туда поступить. Боря ходил в ту, что была прямо под нашими окнами. Я думала, что, может быть, его возьмут в спецшколу во второй или в третий класс. Год за годом, с первого класса по восьмой, я держала ему преподавателя по языку. Так он выучил английский. У нас с Борей были регулярные совещания в ванной. Во время одного из таких совещаний он предложил учить английскому и меня. За 20 копеек. Теперь думаю, почему я этого не сделала? Знала бы сейчас иностранный язык! Он мне регулярно пересказывал какие-то разговорные темы с английским произношением. Мне это так нравилось, я так хохотала. А он обижался и говорил мне: «Ну мама, ты же можешь быть серьезной!»

Мои друзья-филармонисты были в Америке и привезли нам оттуда пластинку «Вестсайдская история». Партийные

руководители запретили им ходить в США на просмотр этого фильма. Но они все равно его посмотрели и все равно привезли нам эту пластинку. Боря в то время был классе в третьем, то есть английский знал довольно прилично. И вот мы с ним гуляли, и я его просила: «Боренька, спой мне сцену в гараже». И он мне пел этот отрывочек.

Прошел слух о том, что существует группа, по которой весь мир сейчас сходит с ума. И называется она «Битлз». К нам пришел кто-то из друзей и принес послушать их пластинку. Было так смешно. У них там наивно играла губная гармошка. И из-за этого весь мир с ума сходит? Я не могла понять, в чем вся соль. Но Борька был потрясен этой музыкой. Он сказал, что родился во второй раз в тот момент, когда услышал «Битлз». С тех пор главными его стараниями было достать пленки или кассеты с их записями.

Я очень любила театры и старалась Борю в них почаще водить. Когда сыну было лет шесть, я отправила его с бабушкой на балет в Малый оперный. Но балет не произвел на него особенного впечатления. Первый акт он все время шепотом ругался, во втором начал бабушку пинать ногами — после этого они с балета ушли. Зато драматические спектакли ему очень нравились. Все, что шло тогда в Ленинграде, мы пересмотрели.

Когда Бореньке было уже около 12–13 лет, мы стали на лето снимать дачу в Сестрорецке. Я приезжала к нему, он встречал меня на велосипеде, его джинсы были ободраны до колена, сам — до пояса голый, в монисто из ракушек, длинные волосы. Мама спрашивала: «Тебе нравится, как он выглядит?» Я искренне отвечала: «Очень нравится».

Однажды, когда Боре было уже к 14 годам и мы по-прежнему снимали дачу в Сестрорецке, я вышла из электрички и увидела, что вход в кинотеатр весь облеплен детьми. Оказывается, шел фильм «Фантомас», а детей до шестнадцати лет не пускали. Они буквально рыдали перед кассами. Я заметила девочку всю в слезах, она плакала перед билетершей и причитала: «Мне шестнадцать, мне шестнадцать». Я подошла к ней, спросила: «Не пускают?» Она подняла на меня мокрые глаза и с чувством разделенного горя произнесла: «А вас тоже не пускают?» Я подумала: что-то меня ждет на даче… Действительно, как только я зашла в дом, я увидела, как Борька мечется по комнате взад-вперед. Идет «Фантомас», а он не может его посмотреть. Я сказала: «Если хочешь — добивайся. Я тебя одену девушкой, девушкой ты сойдешь за шестнадцатилетнюю». Он пытался возражать, что ничего не выйдет, но мы все-таки попробовали. Я надела на него свой плащ, повязала косынку, накрасила губы. И

мы отправились в кино. Он шел и шипел от неудовольствия. Однако билеты мы купили. Подошли к билетерше, та неодобрительно посмотрела на Борю и отчитала его: «Такая молодая, а губы накрашены!» Я так и рассчитывала, что это отвлечет внимание. Мы прошли в кинотеатр, сели на места. Боря не верил своему счастью.

Мой муж очень любил охоту и рыболовство. Я этих увлечений никогда не разделяла. Но однажды он все-таки уговорил нас вместе поехать на рыбную ловлю, куда-то по дороге в Зеленогорск. Мы поехали поздно вечером на чьей-то машине.

На озере уже замерло лодок двадцать. Борис с Борей сели в лодку и отплыли. Становилось все холоднее. Я вышла из машины и крикнула: «Борис! Отдай ребенку шапку!» От моего крика все рыболовы вздрогнули. Через час я снова вышла на берег и крикнула: «Борис! Отдай ребенку куртку!» Все удочки опять вздрогнули. Когда я в третий раз вышла и позвала: «Борис!», кто-то из рыболовов истерично закричал: «Сними штаны, отдай ребенку!»

Это был единственный раз, когда мы вместе ездили на рыбную ловлю.

***

Рядом с домом, который мы снимали летом, располагался пионерский лагерь ВТО — Всероссийского театрального общества. И Боренька с завистью смотрел на веселую жизнь за оградой. Через свои связи мы с отцом не могли устроить Борю туда. Тогда бабушка пошла в дирекцию лагеря и нанялась посудомойкой с условием, что ее внук будет проводить три смены в лагере. Таким образом он туда попал. Для Бореньки это было высшее счастье. Там ставили театральные пьесы, им разрешалось учить и играть те песни, которые нравились. На отчетном концерте перед родителями ребята исполняли даже цыганские романсы, чем приводили своих мам и пап в большое изумление.

Там же у Бори появился приятель Андрей Ургант, с которым они вместе занимались театральным творчеством. В их компанию входили ставшие потом актрисами Лена Попова, Аня Менакер. После первого же лета, проведенного в лагере, в декабре на Борин день рождения были приглашены все эти ребята, его новые друзья из ВТО. Помню, как пришел Андрей Ургант. Он зашел в квартиру, не обращая на меня внимания, сбросил на пол дубленку, под которой была ярко-красная рубашка, и, пританцовывая, пошел в комнату. Мне эта манерность тогда так понравилась! Ребята из

ВТО были абсолютно другими, более раскованными, близкими к искусству. В этом же лагере был и Максим Леонидов, но он был в младшей группе и с Борей тогда не общался.

Аня Менакер, дочка режиссера Менакера, присылала потом из Москвы Боре письма — в ситцевых конвертах с кружевами или в спичечной коробке, на которой был написан адрес. Фантазия у нее была бесподобная.

Боря отправлял свои стихи в журнал «Мурзилка», стихи были какие-то политические, воздающие хвалу различным политическим деятелям Африки, о которых тогда говорили по телевизору. Из журнала Боре прислали приглашение на семинар молодых поэтов. Там некий молодой человек методично разносил стихи каждого участника. Я стояла за дверью и лишь слышала отрывки этих речей. Когда Боря вышел оттуда, я спросила его: «Как же ты вынес эту критику?» Он сказал мне: «Мама, после тебя мне уже ничего не страшно».

У Бори с первого класса был друг Толя Гуницкий, который учился в параллельном. Класса с четвертого-пятого они вместе занимались в литературном кружке. Боренька приносил мне свои стихи, но мне они не нравились. Он был так обижен. Однажды предложил мне послушать несколько стихотворений. Читает одно — я говорю: «Мелко». Другое — «Не глубоко». Читает третье — я: «Так вообще не говорят». Оказывается, он тестировал мой вкус и зачитывал Ахматову, Пастернака и Цветаеву. С тех пор он моим мнением не интересовался. Я действительно к стихам не очень хорошо относилась, зато очень любила прозу. Борины тексты к песням мне впоследствии тоже казались довольно странными.

Боря всегда ходил гулять с бабушкой. Как-то, лет в четырнадцать, он сказал ей: «Ты думаешь, я всегда буду гулять с тобой за руку? Как только получу паспорт — перестану». Она мне потом рассказывала: «Он собирается до шестнадцати лет гулять со мной за руку». Гуляя, они на помойке нашли гитару. Подобрали ее. А баба Катя, как когда-то все ее ровесницы, в молодости играла на гитаре какие-то девичьи песенки. Натянули струны, она показала ему несколько аккордов, и Боренька начал играть на гитаре. Тогда как раз появилась эстрада, в СССР начали приезжать польские, венгерские группы. Их музыка Боре нравилась, он разучивал их песни, затем мы с ним собирались в ванной на небольшой концерт. Я сидела, а он мне играл и пел весь разученный репертуар.

В это время в школу пришли с «Ленфильма» искать актера на роль для фильма о любви подростков. Выбрали Борю. Этот фильм был чьей-то дипломной работой, поэтому не вышел на широкий экран. Съемки проходили летом. Боря снимался по 6–7 часов в

день, возвращался на дачу в Сестрорецк крайне поздно. Я всегда ждала его на платформе, иногда приходилось сидеть по несколько часов, так как съемочная группа Борю задерживала. И вот как-то, приблизительно в половине двенадцатого ночи, Боря выбежал из вагона в окружении шпаны. Они все его обнимали, жали ему руки. Он мне рассказывал, что эти ребята подсели к нему, как только поезд отъехал от Ленинграда. У них была гитара, они начали петь похабные песни. Вначале Боря струхнул, но затем попросил у них гитару и начал петь им все те песни, которые разучивал сам. Они были в восторге, поэтому так сердечно с ним прощались. Вот они — первые его поклонники!

Боря учился самостоятельно, я никогда не вникала в его успеваемость и в учебные дела. Проблем никогда не возникало. Как-то раз я была на родительском собрании, представляли всех родителей. Когда произнесли «Гребенщикова», то многие родители обернулись и посмотрели в мою сторону: «Ах, это ваш сын задирает наших детей». Я никогда не думала, что у него были какие-то проблемы с поведением. Пожалуй, это было единственное родительское собрание, на котором я была.

Вскоре наступила пора, когда надо было определяться с будущей профессией. У нас с Борей был серьезный разговор, я объясняла ему, почему для мужчины так важно сделать правильный шаг в выборе профессии. Нелюбимая работа ведь может обречь человека на страдания длиною в жизнь. Я посоветовала ему прислушаться к себе, определиться с тем, что ему в жизни нравится. Он решил, что это физика и математика. Так с девятого класса Боря начал учиться в физико-математической школе. Ему было там и интересно, и весело учиться. Там была отлично развита самодеятельность, выпускали хорошую газету, серьезно занимались и литературой. Проблем с учебой у Бори не было. Единственное — что школа находилась у Мариинского театра и до нее было неудобно добираться из Московского района. Каждое утро мы давали ему двадцать копеек на транспорт — десять туда и десять обратно. Это были единственные деньги, которые мы ему давали.

С девятого класса началась пора, когда Боря стал поздно возвращаться домой. Уезжал утром, а приезжал ближе к ночи, в двенадцать и даже в час. Это я теперь узнаю, чем он занимался в то время — играл на гитаре, писал песни, пытался создать группу, искал место, где можно было приткнуться, чтобы репетировать.

Когда я узнавала, что где-то в Ленинграде происходит что-то интересное, я Борю туда водила. Мы ходили на выступления первых советских молодежных рок-групп в Клуб пожарников,

находившийся рядом с цирком. Я у Бори спросила: «Почему билеты такие дорогие?» «Желающих так много, мама, что зрители регулярно двери ломают. Поэтому в стоимость билетов входит еще и стоимость новых дверей», — просветил меня Боря. Все ребята были в таком восторге от этой музыки!

Потом мне сказали, что в ДК «Невский» будет проходить такой же концерт. Мы с Борей и на него пошли. Боря находился где-то в начале зала, а я сидела в последнем ряду. Со сцены пели: «У бегемота морда толстая, его нельзя поцеловать», зрители хлопали в ладоши и топали! А в фойе испуганный этим грохотом директор ДК бегал и нервничал, затем забежал в зал, увидел все, что происходит на сцене, прислонился к стенке и захохотал. Он увидел, что это были просто веселящиеся дети.

Когда устраивали концерт в честь дня рождения «Битлз», мы с Борей тоже на него ходили. В какой-то вуз. Дело было 1968 году. О многих мероприятиях Боря узнавал самостоятельно, но ходили мы вместе. Отпустить его одного я пока не могла.

У Бори появился друг-негр, правда родившийся в СССР. В школе к этому отнеслись неоднозначно.

Свои песни Боря мне не пел, видимо, боялся моей критики. Мы тогда стали меньше общаться, потому что Бори постоянно не было дома. С отцом и бабушкой мы ему в три голоса твердили, что он должен сконцентрироваться на занятиях, поступить в вуз и получить профессию. Но Боря был весь в своих увлечениях музыкой. Я стояла на балконе и в двенадцать, и в час. Волновалась, когда же он наконец вернется. Всегда сценарий был примерно один и тот же. Группа молодых людей выворачивала из-за угла. Минут пять у нашего подъезда они еще стояли все вместе и хихикали, затем только Боря с ними прощался и поднимался домой. Он знал, что ему попадет от меня за позднее возвращение, но сделать с собой ничего не мог.

Боре регулярно звонили его поклонницы. У нас были в разных комнатах смежные телефоны, и я как-то подняла трубку, чтобы послушать, о чем он говорит с одной своей одноклассницей. Эта девушка рассказывала, что о нем говорят девушки и сколько из них в него влюблены. Затем они попрощались, Боря повесил трубку и начал сразу же набирать другой номер. Я решила послушать, кому же он звонит дальше. Это был Анатолий Гуницкий. Но они не начали обсуждать девушек. Первая же Борина фраза была следующей: «Слушай, мы думали, что у „битлов" эта строчка переводится так, но она переводится совершенно иначе, меняется смысл фразы. Я посмотрел в словаре…» В общем, он жил музыкой и ему было совершенно не до девочек.

Какая-то девушка в пионерлагере написала ему записку, которую я как-то обнаружила в его вещах: «Ты умен. Ты красив. И, что самое ужасное, ты осознаешь цену всему этому. Ты так страшен для женщин, но они всегда будут любить тебя».

В десятом классе произошло следующее. Я иду домой, мне навстречу бежит Боря, у него в глазах слезы. Я его спросила, в чем дело. Он подает мне записку: «Кидалась на меня с ножом. Била пряжкой по спине. Пихала ногами фотографии. Всячески оскорбляла. Сломала ящик стола». Я, догадываясь, что случилось, поднялась в квартиру и спросила: «Мама, что произошло?» Наша бабушка, абсолютно спокойная, как ни в чем не бывало ответила: «А пусть замечания из школы не приносит». Она очень много значила в воспитании Бори. Наизусть знала все его расписания, напоминала, какие учебники взять с собой в школу. И очень страстно переживала его неудачи. Провожая Борю в школу, она стояла на лестнице и кричала ему вслед: «Баранкин, будь человеком!»

Когда Боря перешел в 10 класс, я его уговорила поехать вместе со мной в Сочи в санаторий. Он не хотел, намеревался остаться на еще одну смену в лагере ВТО, но мы решили все-таки поехать на море вместе. Поскольку это был санаторий Дзержинского, там отдыхали по большей части сотрудники КГБ и их дети. Поначалу Боре было скучно, но как-то раз вечером он услыхал звук гитары и сразу же побежал на него. Так я на отдыхе потеряла для себя сына, он постоянно убегал куда-то играть на гитаре. Вечером я увидела, как он стоит, в темноте, в окружении примерно десяти человек, и все они играют на гитарах одно и то же, свой рок-н-ролл. Дети высокопоставленных кагэбэшников тоже любили запретную музыку.

Я ездила в это санаторий каждый год. Ездила без мужа, так как он не любил купаться и загорать, предпочитая рыбалку и охоту. Он пытался нас с Борей тоже пристрастить к этому, хотел, чтобы Боря стал рыболовом. Но ничего не вышло. Хотя во многом другом Боря очень похож на папу — и внешне, и внутренне. Главной чертой моего мужа было благородство. Он всегда был очень деликатным, сдержанным и с большим чувством юмора. Все эти черты передалась Бореньке. На первом курсе университета он поехал в колхоз, как и все студенты того времени. Каждую неделю в местном клубе устраивались танцы. Девушки-колхозницы оживились, так как на танцы должны были прийти мальчики из города. Местные же парни, наоборот, были недовольны ситуацией и обещали вступить с «интеллигентами» в драку. Боре удалось подружиться с местными ребятами, войти к ним в доверие и разрядить ситуацию. Никакой драки не было. Я

провожу параллель между этим случаем и уже описанной мною историей в гостинице «Европейская», с приставшими ко мне и Борису грузинами.

***

В Доме моделей я проработала почти 10 лет, до 1969 года. И не прекратила бы, но к нам пришел новый заведующий. Было общее собрание, на котором я выступала. Заведующий сделал мне комплимент по поводу того, как хорошо я говорила. Коллеги сказали, что я по образованию юрист. До того как он пришел к нам, у этого человека были проблемы с Уголовным кодексом. Когда-то он был большой «шишкой», но его уличили в издании порнографии, и партия кинула его на понижение в Дом моделей. Узнав, что у него среди подчиненных есть юрист, он решил от меня избавиться. Через день после моего выступления он пришел к нам и сказал, что идет сокращение штата и единственный человек, у которого за десять лет не было ни одного больничного бюллетеня и который, следовательно, здоров, это я. Так я оказалась уволена за то, что была здорова. Но я не особенно расстроилась, работа в Доме моделей к тому времени мне порядком надоела. Я стала обзванивать всех своих друзей и просила их помочь мне с поиском новой работы. Требования у меня были жесткие: я хотела работать во дворце, имея свободное расписание и возможность выезжать за границу. Эти требования заявлялись в виде шутки. Муж меня водил по своим знакомым, но как только люди слышали, что я юрист, десять лет работавший художником, сразу возникали проблемы. Тогда мне посоветовали обратиться к Сергею Ивановичу Катькало, тому самому однокурснику, который пытался поговорить со мной о великих стройках коммунизма. За 15 лет с момента нашего выпуска он превратился в бессменного и могущественного проректора Университета по кадрам. Я пришла к нему и рассказала о том, что осталась без работы. Он меня кольнул: «За своих замуж не вышла, пошла на сторону. Но мы своих в беде не оставим». Спросил, куда бы мне хотелось пойти работать. Я не хотела становиться юристом и попросилась в социологи. И вот я отправилась на свое новое место работы — НИИКСИ[2] ЛГУ.

Этот НИИКСИ по иронии судьбы оказался во дворце — с мраморной лестницей, лепниной на потолке, зеркалами и дверьми в золоте. Я вошла к директору, он был уже в курсе моего положения дел. Я написала заявление о приеме на работу, и меня проводили в мою юридическую лабораторию. Она располагалась

в помещении красной штофной гостиной с балконом и великолепным видом на парк. Красота, как в Эрмитаже. Мне дали тему, над которой предстояло работать, и выделили стол. Я подумала: когда же здесь обеденный перерыв? Спросила об этом моих новых коллег. Все оцепенели, мой коллега Ромочка приоткрыл дверь в приемную директора и задал мой вопрос секретарю. Она залилась хохотом. Заведующий лабораторией мне объяснил: «Вам дали тему исследования, вы можете работать над ней там, где вам удобно — в библиотеке, дома. Присутственный день у нас среда, когда проходит совещание лаборатории». Так я получила и дворец, и свободное расписание. В командировки мы тоже выезжали. Нашей темой было социальное планирование. В присутственный день мы накрывали стол, пили вместе чай и вели веселые разговоры. Жизнь была прекрасна в полной мере.

Когда Боря окончил школу, встал вопрос, куда ему поступать. Между физикой и математикой Боря выбрал математику и подал документы на матмех. Экзамены, конечно, были серьезными. Боря сидел и готовился самостоятельно, очень усердно. В результате он получил полупроходной бал, то есть вопрос о его поступлении висел на волоске. Делать было нечего, я побежала к Сергею Ивановичу Катькало с просьбой о помощи. Так Боря оказался в университете. В целом ритм жизни у него сохранился прежний. Он уходил утром, приходил ночью. Мы все так же давали ему 20 копеек на транспорт. Не помню, давали ли мы ему деньги на карманные расходы, но он получал стипендию.

Как только Боря повзрослел, моя мама пошла работать в поликлинику гардеробщицей. Это было необходимо, чтобы хоть как-то поправить наше материальное положение.

Когда Боренька стал студентом, я практически ничего не знала о его музыкальной жизни. Боря регулярно приводил домой ребят из своей компании. Но мы не видели, чем они там занимались. Никаких репетиций «Аквариума» у нас в квартире не происходило, все это было у них на факультете. У нас дома никакие «квартирники» никогда не проводились. Уже позднее, из книг об истории «Аквариума», я начала узнавать, как он проводил свои студенческие годы. А тогда смысла расспрашивать не было — все равно бы не сказал.

Вскоре начались неприятности. Поехал на юг, там играл с какой-то сборной группой. У него отобрали пластинки, позвонили в университет, чуть ли не поставили вопрос о его исключении. Я не знала ни о выступлениях Бори, ни о том, что у них были проблемы с милицией, которая преследовала рок-команды.

То, как Боря выглядел, мне всегда нравилось. Длинные волосы, одежда в хипповом стиле.

Отец не понимал увлечений Бореньки. Ему не нравилось творчество «Битлз», он говорил: «Я не знаю, что за удовольствие слушать весь этот грохот». Но отца мы и не видели — он постоянно был то на работе, то в командировках. Зато бабе Кате, с которой Боря жил в одной комнате, нравились все его увлечения.

Единомышленников себе Боря искал везде, где это было возможно. Как-то он шел в метро с пластинкой в руках. Увидел какого-то парня, у которого тоже была пластинка. Они познакомились, и этот молодой человек пришел к ним в группу. Они сразу же находили общий язык.

Толя Гуницкий жил на соседней с нами лестнице. Он был студентом медицинского института, так как и родители у него тоже были врачами. Он приходил к нам гости, и я постоянно ему повторяла: «Толечка, учись прилежно, тебя ждут твои больные». Он мне отвечал: «Чтоб они все сдохли». Я спрашивала Борю: «Каким же врачом будет Гуницкий?» Боренька говорил, что его друг ненавидит медицину. Его мечтой было стать ударником в джазе. Тогда все мечтали о карьере музыканта. Джордж первым отказался учиться и взял «академку». Они вместе писали какие-то дурацкие пьесы. Я читала отрывки и не понимала, что в этом хорошего. «Маркиз: „Увы, графини дома нет"».

***

Мой муж Борис умер в 1975 году, оставив кучу патентов на изобретения, не успев защитить кандидатскую диссертацию. Нам постоянно не хватало денег. У меня была маленькая зарплата, я была лишь младшим научным сотрудником. Он был заведующим лаборатории, но без ученой степени, получал тоже мало. Постоянно изобретал приборы, которые использовали без отчислений за изобретение. Кто-то из знакомых совершенно случайно сообщил ему, что на свердловском заводе выпускают его прибор. Он связался с заводом, ему перечисли 30 000 рублей, по тем временам очень большие деньги, но это было только однажды.

Борису предложили пойти директором на завод, где производились приборы по его патентам. Я настояла на этом переходе, поскольку там лучше платили, но это была не его работа. В институте он занимался творчеством, там у него были веселые друзья. Один из них — Владимир Ходырев — затем стал мэром Ленинграда. На заводе приходилось лишь тратить нервы. Борис приезжал из райкома, набивал полный рот лекарств. В

итоге — два года проработал директором и после двух инфарктов умер.

Когда Боря окончил университет, его распределили в какой-то закрытый военный институт, очень серьезный, но находящийся не в Ленинграде. Я не могла позволить, чтобы Боря уехал, он этого тоже не хотел. Поэтому директор НИИКСИ, в котором я работала, написал запрос на Борю, чтобы устроить его в нашу математическую лабораторию. Но необходимо было получить разрешение на эту работу из более высоко стоящих инстанций. Поэтому я снова пошла к Катькало, проректору ЛГУ по кадрам. Тот позвонил декану примата, на котором учился Боря, и решил вопрос в его пользу. Хотя декан пытался сначала возражать, говорил, что Боря плохой математик. «Именно такой там и нужен», — ответил Катькало. Спорить с ним декан не мог.

Так Боря пришел на работу к нам. Где-то в подвале дворца находился математический центр, где они сидели и что-то считали.

В конце семидесятых годов Боря уже начал давать концерты в студенческих клубах, актовых залах институтов. Я была на одном из таких выступлений в Петергофе. Увидела, как восторженно принимали студенты его группу, какие замечательные песни он пел. Некоторые люди плакали. Я пришла к нему после этого концерта и сказала: «Боренька, один такой концерт уже является оправданием всей жизни».

Я в 1970-1980-е годы тоже жила интересной, насыщенной жизнью. Мы постоянно ездили в командировки. Социальное планирование было очень важным для страны. Нас принимали руководители городов, для нас выделялись лучшие номера в гостиницах. Наша юридическая лаборатория обрабатывала судебную информацию и приводила по ней статистику. Ребята пришли работать сразу после института, все были моложе меня на 15 лет. Компания была веселая — в поезде хохот, в гостинице хохот.

Со времен пионерского лагеря ВТО у Бори была большая любовь. Но трагическая. Девушку звали Елена Попова, она теперь стала артисткой БДТ. Когда у них завязался роман, Лена еще училась в школе, а Боря был на третьем курсе. Боря проводил с ней очень много времени. Мать Лены звонила мне и спрашивала: «Вы не считаете, что нашим детям нужно пожениться? Они так любят друг друга». Я не видела в этом никакой необходимости. После этого мама Лены запретила им общаться. Боря очень от этого страдал.

Как Боря познакомился со своей первой супругой Натальей, я не знаю. Они репетировали, писали песни. Наташа всегда была

рядом. Я слышала, как у нас дома он гонял ее: «Наталья, принеси то-то. Наталья, дай карандаш». И так далее.

В это время в Таллин начали приезжать иностранные группы. И все, кто имел хоть какую-то возможность, старались попасть на их выступления. Боря с друзьями был у нас дома и всем объявил, что они едут в Таллин и во столько-то собираются на вокзале. Наталья сказала: «И я с вами».

Родители Наташи решили, что ей пора выходить замуж. Они меня спрашивали, зачем я порчу Борю и разрешаю ему заниматься этой вредной музыкой. Считали, что быть математиком в НИИКСИ гораздо лучше. Я отвечала: «Я его знаю, поделать с ним ничего не могу». Родители Натальи тоже были научными сотрудниками. Они поддержали решение Бори и Наташи пожениться. Устроили им шикарную свадьбу в гостинице «Астория». Приехал Макаревич, пригнал из Москвы машину с аппаратурой, и они всю ночь играли для Бориных гостей. В то время в Прибалтике тоже проходило какое-то мероприятие, все интересовались, почему же на нем не было Макаревича. А им отвечали: «Он на свадьбе у Гребенщикова». Шел 1978 год. Сначала Боря с Наташей жили вместе с нами. Бабушка перешла жить на кухню, они жили в ее комнате. Потом Наташе что-то у нас не понравилось, и они переехали жить к ее родителям. Вскоре родилась Алиса. Но Наташе Борин образ жизни не мог прийтись по вкусу: его до ночи не было дома, он постоянно был занят на репетициях с группами, на каких-то концертах и сборищах. Семейная жизнь не сложилась.

1980 год стал рубежом в Бориной жизни. В Тбилиси организовали всесоюзный рок-фестиваль. Боре от нашего института дали разрешение туда ехать. В НИИКСИ его любили и к его творчеству относились с пониманием. Работа у него была несложная. Он сидел за ЭВМ и обрабатывал статистическую информацию.

В Тбилиси съехались все группы. Боря сказал тогда, что они сыграли «рок по-черному». То есть от души. Но когда Боря вернулся с группой в Ленинград, в наш институт уже поступил звонок из горкома партии с распоряжением в 24 часа уволить Гребенщикова. Его вызвали в райком и исключили из комсомола. В 24 часа все рухнуло. Боря воспринимал весь окружающий мир, страну как собственный дом. И вдруг в течении суток его мир разрушился. Куда он мог пойти работать — ученый-математик, исключенный из комсомола и выгнанный с работы по звонку из горкома?

Я поехала в командировку в Москву. Один из моих знакомых по санаторию Дзержинского занимал пост заместителя министра.

Мы с ним встретились. Он сказал, что устроит Борю туда, куда он хочет. Боря уже тогда подрабатывал переводами с английского языка. Но свободных мест для переводчиков нигде не было. Замминистра отдал распоряжение взять Борю в НИИКСИ переводчиком, несмотря на отсутствие мест, но гордость сына взяла верх. Ему не хотелось получать работу благодаря моим связям. В его компании это расценивалось бы как позор, унижение. И он отказался от предоставленной возможности и устроился ночным сторожем. Там он отработал целый год.

Родители Натальи тогда сказали: «Мы же говорили, что эта музыка его до добра не доведет». И Наталья вместе с ребенком ушла от него. Быть женой сотрудника НИИКСИ — одно дело, а быть женой сторожа — совсем другое. Впрочем, она недолго была в одиночестве. Стоило им оформить развод, как она сразу же вышла замуж. Боря пришел на ее свадьбу, но Наташины родители его не пустили. Мне же было Борю жалко. Я понимала, что ничем кроме музыки ему заниматься не интересно, поэтому проводить воспитательные беседы о вреде рок-н-ролла было бессмысленно.

Иногда мне разрешали брать Алису к себе на выходные. Она ночевала у нас, мы вместе гуляли. Помню, как-то она опрокинула на кухне горячее молоко. Я зашла и начала брюзжать. Тогда она мне как заявит: «Я к тебе больше не пи-еду». Я ей: «Дело хозяйское». Она: «Любить больше не буду». Я: «А вот это уже серьезно. Давай мириться». Потом мне запретили брать ее на ночь, приходилось вечером отвозить ее домой. Алиса очень любила атмосферу нашего дома и плакала в метро: «Зачем мы только уехали с Алтайской!»

Когда Алиса пришла ко мне перед поступлением в вуз, я ее спросила: «Ну что, пойдешь на журналистику?» Она сказала, что собирается поступать в театральный. Я ей говорю: «Алиса, какая из тебя актриса, ты сидишь рядом — я не слышу, что ты говоришь. И у тебя дикция плохая». А она поступила, прекрасно отучилась, пригласили в Москву, два года проработала во МХАТе.

Боря не вернулся к нам с бабушкой, а стал снимать комнату у своего друга Андрея Фалалеева, студента филологического факультета. Фалалеев после уехал в Америку и там стал настоящим гуру синхронного перевода. Он звонил мне и рассказывал о своих американских впечатлениях: «Я иду на работу и вижу бухту Золотой Рог. Меня переполняет счастье. Я давал слушать всем американцам Борины кассеты. Все хотят узнать его музыку, присылайте новые кассеты».

Благодаря Андрею Фалалееву американка Джоанна Стингрей узнала о советской музыке, о группе «Аквариум». Ей очень понравилось их творчество. Она приехала в СССР в начале 1980-х,

записала концертные выступления «Аквариума» и других групп. И в Америке выпустила пластинку «Red Wave». Комсомольская организация чуть не раздула огромный скандал. А пластинку тем временем слушали специалисты из CBS. Творчество «Аквариума» пришлось им по вкусу. И они решили заключить договор с Боренькой, пригласить его на выступления по США.

***

В 1981 году открылся рок-клуб и все ребята получили возможность играть перед публикой и зарабатывать какие-то деньги за свои выступления. Они там буквально ночевали, проводили все свое время. Я тоже бегала в рок-клуб на все концерты. Мне очень там нравилось. Я часто сидела в первых рядах. Я запомнила один из Борькиных концертов в зале какого-то института. Рядом со мной, но не на стуле, а на полу сидел мальчишка лет четырнадцати, грязный, обтрепанный, но у него на лице был такой восторг, такое счастье. Я поняла, что в жизни он мало что видел, да и то не с лучшей стороны. А тут он пришел на концерт и слышит песню, в которой женщину называют королевой. Для него был это шок. И я тоже не могу забыть лица этого мальчика. Он увидел, что жизнь может быть прекрасной.

Я не просто так ходила на все концерты рок-клуба. В большой степени посещение этих мероприятий входило в мою работу. В 1981 году я перешла из юридической лаборатории НИИКСИ в социологическую. И взяла себе тему «творчество молодежи». Целый год я занималась опросами, ездила по стране, посещала многочисленные Дома культуры. Когда я обработала информацию, то выяснила, что у тех людей, которые занимаются искусством, в семье на человека приходится меньше денег, меньше комнат. Всего меньше. Зато у 80 % молодых людей, занимающихся искусством, родители, один или оба, были с высшим образованием. Таковы были результаты моего исследования. Это говорит об отношении родителей к своему ребенку, которого они всячески развивали. Но директор НИИКСИ сказал мне о том, что нельзя в стране пролетариата напечатать, что, чтобы молодежь была творческой, 80 % родителей должны быть с высшим образованием. Так эта моя работа по социологии не была предана огласке.

Благодаря своим социологическим исследованиям я попадала на все концерты рок-клуба, даже на фестивальные, а на них было очень трудно попасть.

Боря не знакомил меня со своими друзьями. Я сама с ними

знакомилась. После каждого концерта членов рок-клуба за кулисами любой площадки начиналось веселое застолье музыкантов и их друзей. И я принимала в этих праздниках участие. Поэтому знала всех, кто участвовал в рок-жизни Ленинграда восьмидесятых годов.

Мне так нравилось все, что делает Боря. Я помню, как сидела в зале на одном из концертов рок-клуба, а Боря шел со своими друзьями по проходу к сцене как хозяин. У него было чувство, что он в своем царстве, у себя дома.

Заместитель директора НИИКСИ подписал все бумаги об увольнении Бори с работы. Прошло каких-то два-три года, и этот же человек вошел в нашу лабораторию и попросил: «Людмила Харитоновна, вы можете моему сыну билетик устроить на „Аквариум"?» Я подумала: «Господи, никаких нет у этих людей моральных принципов». Еще вчера он выгонял Борю в 24 часа, а теперь просит устроить билеты на его концерт. Ну, я достала для него билеты, конечно же.

В начале восьмидесятых годов я с мамой переехала в квартиру на улице Марата. Поклонники Бори, думая, что и он живет в этой квартире, регулярно устраивали под окнами концерты и расписывали лестницу благодарственными надписями вроде «Спасибо Вам за Борю!».

В 1983 году Борю и «Аквариум» впервые показали по телевидению в программе «Музыкальный ринг». Они пели свою знаменитую песню «Рок-н-ролл мертв».

***

Наша бабушка Катя постоянно участвовала в жизни Бори. Она его воспитывала, затем всячески старалась ему помочь. Помню, Боря пришел к нам, уже после того, как появился рок-клуб и Боря начал выступать. Бабушка его спрашивает: «Боренька, деньги нужны?» Он говорит: «Да нет, баба Катя, я уже что-то зарабатываю. Правда, я хотел в Москву съездить». Она протягивает ему несколько банкнот: «Держи, поезжай». Я ее спросила, зачем она дает Боре деньги, он же должен их сам зарабатывать. А она мне ответила: «Не трогай меня, у меня душа поет, когда я ему деньги даю».

У моей мамы с самого начала была такая тяжелая жизнь — с детства она работала, затем было всего несколько счастливых лет замужества, мое рождение, а потом — блокада, смерть мужа, изнурительная работа, нищета. Мама меня всячески оберегала. Ничего не давала мне делать. Она приходила после тяжелого

рабочего дня, у нее было больное сердце, но все равно всю работу по дому выполняла она. Ни пол вытереть, ни постирать, ни приготовить что-то с меня не требовалось. Практически до замужества мама купала меня в ванне и мыла мне голову. Когда я пыталась что-то сделать — убрать, помыть, — мама не давала: «Эта работа дешево стоит. Ты учись, это главное».

До глубокой старости мама работала в поликлинике гардеробщицей. И даже тогда, в возрасте «за семьдесят», у нее были поклонники. К ним в поликлинику в качестве консультанта приходил какой-то известный врач. И она ему понравилась. Как-то они встретились на Пушкинский улице, и он пригласил ее к себе в гости, посмотреть, какая у него квартира. Она спросила: «Зачем?» А он ответил, что одинок и было бы чудесно, если бы они стали жить вместе. «Господь с вами, я умирать уже собираюсь», — ответила она. «Я тоже. Будем ждать смерти вместе», — согласился пожилой врач. Мама ответила ему отказом, он так оскорбился, что принципиально стал раздеваться у другой гардеробщицы.

Когда у Бори первый раз был концерт в самом большом концертном зале Ленинграда, в БКЗ «Октябрьский», я предложила маме пойти туда вместе. «Зачем, я и так его каждый день вижу, и песни его в магнитофоне слышу!» — невозмутимо ответила она. А Боря действительно все время прибегал к нам… за деньгами. Я все-таки ее уговорила, и мы отправились в БКЗ. Там творилась настоящая феерия. Люди толпились в проходах. Прыгали, танцевали. Мама спросила: «Почему они все время кричат ему „Козлы, козлы"?» «У него песня такая есть», — успокоила я бабу Катю. Я была очень рада, что она все-таки пришла на Борин концерт, увидела, в какой всенародной любви купается ее внук. Вскоре после этого события, в 1992 году она умерла. Ей не хватило года до девяностолетия.

***

В 1986 году Сергей Соловьев решил снять фильм о молодежи. Он попросил дать ему подборку кассет молодежных групп, выбрал из них несколько особенно приглянувшихся. Это все был «Аквариум». Соловьев заключил с Борей договор о том, что он напишет для фильма музыку. Также Боре была предложена главная роль в фильме. Но Боря, как мне кажется, слишком суеверный. Еще до 1986 года западные продюсеры предлагали ему сняться в роли Христа, съемки должны были проходить в Иерусалиме. Боря отказался. Соловьев ему тоже предложил стать

главным героем «Ассы», но Боря снова отказался из-за того, что героя в финале убивали. Вместо себя он предложил своего друга Сережу «Африку» Бугаева. Благодаря роли в «Ассе» Бугаев выхлопотал себе квартиру или комнату в Ленинграде. Он умел пристроиться в жизни.

Именно Боря назвал Бугаева Африкой. Он приехал из провинции, поступил в кулинарный техникум и сблизился с рок-тусовкой. Притаскивал из своего техникума продукты, кормил всех. В те годы вышел фильм, где героем был Пашка-Америка. Тогда Боря назвал Бугаева Сережкой Африка. Бугаев очень пробивной, тщеславный и трудолюбивый. Боря познакомил Сережу в Москве с Сашей Липницким. Липницкий был бас-гитаристом группы «Звуки Му», активным деятелем рок-движения и происходил из очень обеспеченной семьи, с влиятельными покровителями в ЦК. Его отец был очень известным врачом, Саша жил в привилегированном доме, дача его располагалась на Николиной Горе. Все его занятия сходили ему с рук. Еще Липницкий занимался коллекционированием икон, и Бугаев стал работать у него, жил в его квартире, ездил, добывал для Липницкого иконы. Как-то Сережа пришел в гости к Боре в сопровождении шикарно одетой девушки, редкой красавицы, плохо говорящей по-русски. Я спросила у Бори: «Что за спутница у Бугаева?» «Это дочь одного посла. Сережа решил жениться и уехать за границу», — пояснил Боря.

Я Боре ко всем дням рождения выпускала смешные газеты. Эта привычка сохранилась у меня еще со школы, университета. На Борино двадцатипятилетие я перечисляла в газете, какие знаменитые люди чего достигли к двадцати пяти годам. Все это я иллюстрировала Бориными фотографиями, перечисляла его настоящие и будущие достижения. Когда Сережа Бугаев увидел эти стенгазеты, он сказал Боре: «Твоя мать похоронила свой талант». В это время в СССР стали приезжать иностранцы, интересующиеся русским искусством. И Сережа на какую-то выставку намалевал несколько больших картин. Я их видела — та еще мешанина. Но вдруг Сережу пригласили с выставкой в Америку и там назвали его русским Уорхолом. Он до этого никогда не рисовал, а теперь малюет и малюет — и у него во всех странах мира выставки. А я думаю, что действительно похоронила свой талант, ограничилась Борькиными газетами.

У Соловьева было много энергии. Он продолжил «Ассу» двумя другими фильмами: «Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви» и «Дом под звездным небом». Для этих картин Боря тоже писал музыку.

На одном из первых гребенщиковских концертов сидел

малый лет шестнадцати, и когда кто-то спросил его, кто такой БГ, мальчишка ответил: «БГ — это бог, от него сияние исходит». Эту фразу потом Сергей Соловьев ввел в «Ассу».

Я не знаю, как ввели в обиход Борькины инициалы «БГ». Но мне кажется, что в СССР вообще было принято использовать в обращении инициалы. Поэтому такое обращение, как «БГ», воспринималось естественно. Уже потом стали возникать ассоциации вроде «БГ — Бог».

У Бори была интересная встреча с Вознесенским. У «Аквариума» был концерт в Москве в Доме искусства. У меня тоже была командировка в Москву, и я решила сходить на этот концерт. Толпа народу. Я пробиваюсь в вестибюль, билетерши кричат: «Уходите, уходите, сейчас милицию вызовем». Я кое-как попала внутрь и встретила в этот момент Артемия Троицкого. Я его спросила, в чем дело. Он объяснил, что за полчаса до начала позвонили из Министерства культуры и категорически запретили проводить концерт. Вдруг в вестибюль вошел Андрей Вознесенский со своими друзьями. Видимо, шел в ресторан и удивился этому столпотворению. Он уже знал про группу «Аквариум», но лично с Борей знаком не был. Боря спустился по лестнице, видимо откуда-то из гримерки, все на него накинулись с просьбами об автографах. Он начал их раздавать. Пробиваясь к выходу, он заметил Вознесенского, подошел к нему, что-то записал с его слов в записную книжку и продолжил раздавать автографы. Оказалось, что Андрей Вознесенский оставил Боре свой телефон и пригласил к себе на дачу. Так они познакомились и стали общаться. У Вознесенского на даче Боря познакомился с Алленом Гинзбергом, и они пели друг другу свои песни. Андрей очень ценил творчество Бориса, рассказывал о нем на Западе.

Потом Вознесенский позвонил мне и пригласил к себе на концерт. Оставил билеты на служебном входе. Я отправилась на этот концерт и сидела рядом с его женой Зоей Богуславской. Вознесенскому посылали записки. В одной из них спрашивалось, как он относится к современной музыке. Вознесенский ответил: «Есть замечательный композитор Борис Гребенщиков».

Драматург Славкин писал в 1988 году: «Пришла свобода, но мы все опоздали. И все мои пьесы про это — дом построен, но нам в нем уже не жить. И я с завистью смотрю на Гребенщикова, когда он идет по сцене. Он успел». Действительно, Борю в 1980-м вышвырнули отовсюду, но уже в 1981-м открылся рок-клуб, и появилась возможность заниматься любимыми делами легально.

В 1987 году Боря уехал в Америку. CBS заключила с ним контракт сразу на несколько пластинок. Директор этой компании сказал Боре, что хочет, чтобы Америка полюбила его музыку.

Боря в США жил в течение целого года, они записывали альбом с Дейвом Стюартом. Я потом общалась с мамой Стюарта, она мне рассказывала, как Дейв начинал свою музыкальную карьеру с того, что пел на улице и в метро. А теперь у него шикарные дома в Англии и Америке, своя огромная студия в здании собора в Лондоне.

В моей жизни было несколько моментов, когда я обращалась за помощью к Богу. Сначала просила билет, потом мужа, в третий раз я обратилась к Нему в тот момент, когда Боре нужно было вылетать в Америку. В горкоме Ленинграда ему не давали характеристику, обязательную для выезжающих за рубеж. Необходимо было добро на выезд от министра культуры СССР. Боря полетел в Москву, в аэропорт Шереметьево, уже имея билеты в США. Но в одиннадцать вечера он позвонил мне и сказал, что разрешения на выезд ему не дали (министр культуры сказал, что категорически возражает) и он летит обратно домой. Тогда я вновь обратилась к Богу, попросила, чтобы Бореньку из страны все-таки выпустили. В два часа ночи нам домой позвонили из Министерства культуры и сказали, чтобы Гребенщиков летел обратно в Москву. Им позвонили из ЦК партии и приказали немедленно его выпустить. Боря как раз в это время прилетел назад в Ленинград, позвонил мне из аэропорта, я ему передала радостную новость, и он вновь улетел в Москву, чтобы уже в 7 утра сесть на самолет и отправиться в Соединенные Штаты. Мне тогда очень понравилась эта быстрая связь Всевышнего, услышавшего мои молитвы, и ЦК партии.

В Америку Боря прилетел в своей плохенькой белой дубленке, которую бабушка купила ему на барахолке. Мы бедные были. В таких дубленках в СССР ходили милиционеры. Его американский агент, встретив Борю в аэропорту, сразу же снял с него эту позорную вещь и сказал: «Для начала мы купим тебе пальто».

В Америке Боря познакомился с Дэвидом Боуи. В то время, когда Боря только прилетел в США, Боуи отдыхал где-то на островах. При этом ранее он уже слышал «Red Wave». Узнав, что в США приехал Гребенщиков, он прервал свой отдых и прилетел к Боре, стал водить его по ночным клубам Нью-Йорка, знакомить со многими деятелями американской культуры. Боуи хотел сделать с Борей какую-то совместную пластинку, однако это почему-то не произошло.

У Бори была масса поклонниц. Я на одном из его концертов увидела, как ребята в зале шушукались между собой: «Вот она, вот она…» Оказалось, что это дочь министра. Она, по словам этих сплетничающих ребят, приезжала на каждый концерт Бори из

Москвы и каждый раз дарила ему коллекционные розы. Причем она их не вручала, а клала каждый раз до выступления перед микрофонной стойкой. Или же шла к квартире на улице Софьи Перовской и оставляла цветы под дверью.

Боря говорил, что фанатки ему очень надоедают. Поэтому он старался все свое время с утра до ночи проводить в группе.

Боря женился во второй раз, на своей подруге Людмиле, года через четыре после рождения их совместного ребенка — моего внука Глеба. Я помню, как Боря с Людой регистрировали свой брак, а Глеб важно стоял рядом с регистраторшей.

Люда изначально была девушкой Севы Гаккеля, виолончелиста «Аквариума», а потом стала Бориной женой. Сева сказал: «Счастье друга мне дороже». Люда работала машинисткой в роно и у нее была комната, где они с Борей начали жить. Они весело жили. У них на кухне постоянно собиралась компания Бориных друзей. Я как-то раз пришла к Боре в гости и вдруг увидела, как с крыши в окно со словами «Я Карлсон, который живет на крыше» залез Сергей Курехин. За ним в окно пролезли какие-то американцы.

После того как Боря стал официально давать концерты, у него появилось достаточно денег. Плюс рок-клуб выделил Боре трехкомнатную квартиру на улице Белинского и студию на знаменитой Пушкинской, 10. Из Америки Боря привез деньги, на них они с Людой шикарно отделали эту квартиру. Боря постоянно разъезжал по стране, часто брал вместе с собой жену. После каждого концерта устраивался банкет, музыканты много выпивали. И, ведя такой образ жизни, Люда начала серьезно пить. У нее была плохая наследственность — ее мать тоже была алкоголичкой, поэтому Люда росла в детском доме. Ее постоянно все жалели. И мне кажется, что именно эта жалость, вызываемая в мужских сердцах, была ее главным орудием обольщения.

В Америке Боря записал пластинку вместе с Дейвом Стюартом и его группой «Eurythmics». Они приехали все вместе в Петербург и давали концерт в СКК. Я пошла на него с подругами. Вместе с нами от метро шли толпы молодых людей. Я сказала: «На „Eurythmics"- то сколько народу!» Молодой человек, шедший рядом, меня поправил: «Не на „Eurythmics", а на „Аквариум"». Они выступали четыре дня подряд. Вечером были концерты, а днем они играли специально для фильма про «Аквариум» («Долгая дорога домой»), который снимала английская кинокомпания. На Борькиных концертах постоянно были аншлаги. Ребята не могли усидеть на местах, выскакивали в проходы. Во время выступления было очень много милиционеров. Они пытались усмирить публику. Боря прекратил концерт, поставил условие, что, если

милиция не покинет зал, он не будет продолжать концерт. Милиционеры ушли. Четыре дня подряд Боря выкладывался по полной программе. Я помню, как на четвертый день я зашла к нему за кулисы, там царило веселье, все пили и смеялись, а Боря сидел весь скрючившийся и кашлял, потому что за несколько дней постоянных выступлений на продуваемой сцене простыл и сорвал голос.

Я тогда попросила Людмилу, чтобы она дала Боре выспаться, не то он мог окончательно подорвать здоровье. Но жена сына не удовлетворила мою просьбу. В эти четыре дня она регулярно закатывала Боре истерики, пыталась выброситься из окна. Алкоголь превратил ее в ненормальную.

После этих четырех дней Боря пришел ко мне и сказал: «У меня рука отнялась». Я вызвала «скорую», они констатировали, что у Бори нервное истощение. Люда доводила его своими скандалами. По дому она ничего не делала, только пила и опохмелялась.

Боря постоянно был на гастролях, а его жена уходила в запои. При этом их сын Глеб жил вместе с ней. Как-то часа в два ночи пятилетний Глеб прибежал ко мне в квартиру, с улицы Белинского на Марата. Дело было под Рождество. Глеб сказал: «Мама была такая пьяная, что мне было страшно оставаться с ней наедине в квартире. Ты знаешь, так было страшно. Я бежал по Литейному проспекту, а вокруг меня шатались одни пьяницы. Вдруг ко мне подошла интеллигентная пара, и они довели меня».

Этот период личной жизни был для Бори очень тяжелым. Боря поехал вместе с Людой во второй раз в Америку, затем дал ей денег на поездку к подруге в Англию. Но семейной идиллии, которая была в начале их совместной жизни, было не восстановить. И он ушел от Люды, оставив ей квартиру. У нее сразу же появился другой кавалер — Денис, очень хороший мужчина. Боря был рад, что в ее жизни появился достойный человек. Хотя долго с Людой он не протянул. Денис водил Глеба в школу, Глеб очень его любил и до сих пор звонит ему советоваться по разным вопросам.

Еще до того, как Боря разошелся с Людой, они всей группой «Аквариум» с семьями ездили на юг. Ездил со своей семьей и Саша Титов, один из участников группы. У Саши была жена Ирочка и сын Марк, потом родилась еще и дочка. И так получилось, что между Борей и Ирой завязалась взаимная симпатия друг к другу. Не знаю, когда точно. После того как Боря расстался с Людой, он начал снимать квартиру. А вскоре Ира сказала Саше, что она от него уходит к Боре с семилетним сыном и новорожденной дочкой Василисой. Саша был очень нежным

отцом и мужем. Ирина часто вспоминала добрыми словами их с Титовым совместную жизнь. Боря с Ирой и ее детьми жили год в съемной квартире. А внук Глеб года через три окончательно ушел от матери и начал жить с отцом.

Боря снова ездил работать в Америку. Он жил своим творчеством. Я помню, как после долгого отсутствия он пришел к нам с Глебом в гости. Его сопровождал Сева Гаккель. Я рассказывала Боре о смешных высказываниях его сына, он слушал, весь сияя от радости, а когда я на секунду замолчала, сказал Гаккелю: «Нужно было на „сорокапятку" поставить эту вещь, а они поставили другую». Тогда я поняла, насколько он погружен в свою работу. Впрочем, я была им довольна. Мужчина должен работать.

Через год Боря смог купить для своей семьи квартиру. Ирина оказалась великолепной женой. Ласковое сочувствие, никаких «почему», никаких «нет», веселое настроение — я выписала себе как-то качества, которыми очаровывала мужчин баронесса Будберг. И я поняла, что Ирина обладает всеми этими качествами. Ирина нашла невесту своему бывшему мужу Саше. Он женился на этой девушке, у них родился ребенок, сейчас они живут в Лондоне.

После того как Боря выпустил с CBS первую пластинку, эту компанию купили японцы. Они стали узнавать у Бори, кого он хочет видеть в качестве своих продюсеров. Кандидатуры Бори их не устроили, в итоге стороны решили разойтись по-хорошему, без обязательств. Что началось дальше, я плохо знаю. Из книг об «Аквариуме» узнаю, что у Бори тот период был трудным и в финансовом, и в творческом планах.

Когда вышла первая Борина пластинка на Западе, он поехал в рекламную поездку по Европе. Давал интервью, активно общался с журналистами. В это же время вышел фильм «Долгая дорога домой», он представлялся в Каннах. Мне прислали приглашение на Каннский кинофестиваль, так как я тоже участвовала в этом фильме. Я уже сделала заграничный паспорт, но согласовать все с горкомом к нужному сроку мне не удалось. Боря решил, что без меня тоже не поедет в Канны. Но паспорт и французская виза у меня были готовы. А Боря как раз ехал из США в Париж, где должен был общаться с прессой. И он предложил мне прилететь туда к нему.

Я приехала. Мы жили в шикарном отеле «Интерконтиненталь» в самом центре Парижа, рядом с парком Тюильри. У Борьки каждый день были интервью. А я целыми днями гуляла по Парижу и ходила по магазинам. Все расходы, даже в ресторанах, оплачивала CBS. Боря сказал мне: «Живи здесь

сколько хочешь, когда надоест — только сообщи, тебе купят билет и пришлют за тобой машину». Мне удалось посмотреть все лучшее в Париже, так как возможности у Бори за счет CBS были неограниченны. С другой стороны, жизнь в самом респектабельном районе имела и свои недостатки. Там находились самые дорогие ювелирные магазины, ценники в которых приравнивались к стоимости квартир в СССР. Каждый день я ходила мимо нескольких десятков витрин таких магазинов. Можно было с ума сойти.

Боря пришел в наш номер как-то вечером и принес мне в подарок украшения, лежащие в фирменном футляре. Я открыла этот футляр — там лежала тонкая золотая цепочка и золотой браслет. Я говорю: «На старческую шею — тоненькую цепочку?» Боря рассердился, схватил браслет и выкинул его в форточку. Выкинуть цепочку я ему не дала, сказала, что она будет для Алисы. А искать браслет мы не пошли.

Боря уехал из Франции в Германию. А я осталась в Париже, но ненадолго. О Париже я мечтала с пятого класса, с того времени, когда прочитала «Трех мушкетеров». Но меня Франция и ее столица очень разочаровали. Французы оказались очень неприятными. У них у всех комплекс неполноценности, потому что раньше они были великой державой, а теперь обслуживают богатых американцев. На тебя смотрят только как на потенциального покупателя. Мне надоело во Франции, поэтому дня через три после Бориного отъезда я отправилась домой. К тому же в Париже у меня возникли проблемы с общением. Мне всегда казалось, что я знаю французский, так как учила его в Университете, но общаться с настоящими французами на их языке оказалось для меня слишком сложно.

Но я по-прежнему с наслаждением смотрю французские фильмы.

* * *

Лондон, в отличие от Парижа, мне очень понравился. Я приехала туда к Боре вместе с Глебом в 1990 году, в апреле месяце.

Мы были в гостях у Севы Новгородцева. Глебу он очень понравился, Сева показал ему свою мастерскую.

— Нравится? — спросил Сева у Глеба. — Будешь приходить ко мне играть?

— Зачем? — изумился Глеб. — Я просто у тебя останусь.

— Так, может, ты пойдешь ко мне в сыновья? — пошутил

Сева.

— Пойду!

В Лондоне все для людей. Мне запомнились цветущие магнолии, зеленый лужайки Гайд-парка. Мы жили на Оксфорд-стрит, в двухэтажной квартире, которая была отведена Боре. Окна выходили в цветущий садик, за которым каждое утро ухаживал садовник.

Люди в Лондоне очень любезные, в отличие от парижан. В Гайд-парке я видела сценку, когда на скамейке сидел мужчина и бросал голубям кусочки булки. Рядом сидел другой, посторонний мужчина, и ему, очевидно, тоже хотелось покормить голубей. Мимо них проходил третий мужчина. Увидел, что у второго нет булки, достал из сумки с покупками хлеб и протянул ему, чтобы тот тоже мог кормить голубей.

Для детей на площадках под качелями положена мягкая резина, специально для того, чтобы никто не ушибся и ничего себе не сломал.

В общем, Лондон меня покорил своей красотой и доброжелательностью. Мне не хотелось из него уезжать.

В 1990-х годах Боря постоянно работал в Лондоне, где «Аквариум» записывал свои альбомы. Там вместе с Борей находилась вся его семья — и Глеб, и Ирочка с детьми.

Алиса запомнила мои впечатления и недавно прислала мне из Лондона открытку: «Моя драгоценная бабушка! Я действительно твоя внучка. Я не хочу уезжать отсюда».

* * *

Я сохранила надписи, которые делали фанаты в подъезде дома, где раньше жил Боря. Все шесть этажей этого дома были исписаны. В них видна такая чистота любви к нему: «БГ — бог», «Слава Боре», «Ты — луч света в темном царстве», «Боря, береги себя!», «Боря, будешь в Мурманске — звони по такому-то телефону в училище. Мы все для тебя сделаем». Но мне больше всего понравилась следующая запись: «Советская урла, ты еще поймешь, как тебя наебал Гребенщиков своей философией».

Еще я собирала некоторые записки, которые присылались Боре на концертах. На концерте в Университете его спрашивали: «Борис Борисович, дал ли вам что-нибудь Университет? А как вы относитесь к Татьяне Лариной? Вам открылась истина?» или «Мужик, ты сегодня петь будешь?»

Боря всегда был и является по сей день изумительным сыном. Я для него всегда была настолько важна и необходима, что у нас

никогда не было никаких столкновений и ссор. Моя мама полностью заботилась о том, чтобы Боря был сыт, одет, умыт. Каждый день она следила, чтобы он обязательно съедал два яблока, напоминала ему о его расписании уроков. Для меня оставались только заботы о Бориных развлечениях. Он как-то мне сказал, что настоящая мать для него — это баба Катя, а я для него была как сестра, которая его развлекала и веселила. Но как я была вознаграждена! В 2006 году вышел сборник «Книга песен БГ». На ее титульном листе Боря написал: «Маме любимой. Все это от тебя. Твой сын Борис».

Фотоальбом к главе "Боренька"

ОБОКРАДЕННЫЕ БЕЛЬСКИЕ ИЛИ УЖАСНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЗЛОДЕЙКИ ГУБКИНОЙ

/героическая комедия с действующими лицами/.

Действующие лица:

Губкина – прелестная злодейка с любовью в сердце, с коварством в мыслях, с ножом в подвязке. Все преступления совершает под ненавидящий шепот стареющей Надель : "Вы ее еще не знаете, вы ее еще узнаете!"

Гребенщиков – муж злодейки, слепое и любящее орудие ее темных замыслов. В свободное от преступлений время умоляет ее вернуться на путь добродетели и семейной жизни.

[illegible]ней – жертва губкинских интриг и яблоки раздора.

[illegible]ира – золотоволосое дитя филармоническое, всех обезоруживает своей доверчивостью.

Алеша – хозяин Миры, в глазах таит жестокость, в губах –сладострастие, лицо скована волей, светлеет при виде еды, темнеет при виде женщин.

Галина (в "той" жизни Кайданова, в этой-Бельская) На вопрос –как живет, визжавще отвечает: "Хорошо живу, с Толенькой живу!"

Бельский, он же Тима, он же Толенька-с самого начала пьесы не поверил в дружбу Губкиной, но подобно вещей Кассандре тщетно предупреждал он всех о бдительности –ему никто не верил. "Все мы будем [illegible] за копейку" – горестно шепчет Толенька

Хозяйка – глупая ведьма, имеет в озерных домик-приют, куда заманила Миру с Алешей, и, следуя традиции, разводит под их комнатой адский огонь, чтобы зажарить пришельцев. Беззубая не учла темперамента нового жильца, и сверху слышен томный голос Алеши: "Еще дров, старуха!"

"Чертова мать" –бормочет ведьма, –"Когда эти дети от меня сбегут."

Об немытых филармонистов –во всех случаях жизни бормочут одно и то же: "Ну да, будем мы "им" шею мыть."

все остальные – статисты, изображают толпу и неприглашенных гостей.

эпизодах: бельгийская королева и японский император.

Карт. 1

Первый день открытых дверей в доме Бельских. На сцене действующие лица и многие другие. На стене идет кино про заграничное путешествие Толеньки и Миры. Мужчины вяло рассматривают журналы с голыми женщинами. Губкиной ясно, что интересных людей нет. Она внешне оживлена, внутренне дремлет. Гребенщиков смотрит с надеждой: "Может уйдем?"

Вдруг Губкина настораживается и раскрывает глаза: "Как можно было не заметить?" "Кто это? Глаза с поволокой, голос с негой, в манере что то французское" –Это герой нашей пьесы-Алеша. Довольный произведенным впечатлением, он благосклонно говорит Губкиной что-то по немецки. Она падает в обморок и ее уносят в столовую пить чай. Напившись чаю, она [illegible]ает глаза и свистит в ухо перепуганному Гребенщикову. Знакомый с разбойными повадками своей супруги, Гребенщиков покорно становится соучастником [illegible]ающегося преступления.

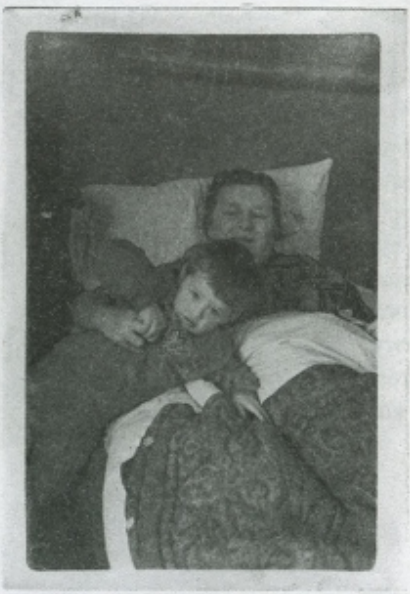
Я с Борисом и Боренькой, сестра Бориса Диана с мужем Юрием и дочерью Таней

Б. идет по улице в красном платьишке
с капюшоном, обшитом мехом,
румяная, в красных рейтузиках,
проходит мимо военного караульного
отдает честь. Мальчик военному
отдает честь ему.

Проглейбус на повороте
проезжает мимо постового
тот взглянув на Б. в окно,
покатился со смеху
– Ты что сделала?
– Б. ничего. Я подмигнула ему.

В булочной самообслуживания:
Борюнька, пока я стою в кассу,
спал сам брать что-то с
витрины. Я кричу ему: Нельзя!
Он поворачивается, тонкая девочка
в красных рейтузиках и кричит
мне: „Заяза ты!"

Баба Тоня: „Борюнька, когда я умру, ты
будешь меня вспоминать?"
– Б. „Да, буду, буду..."

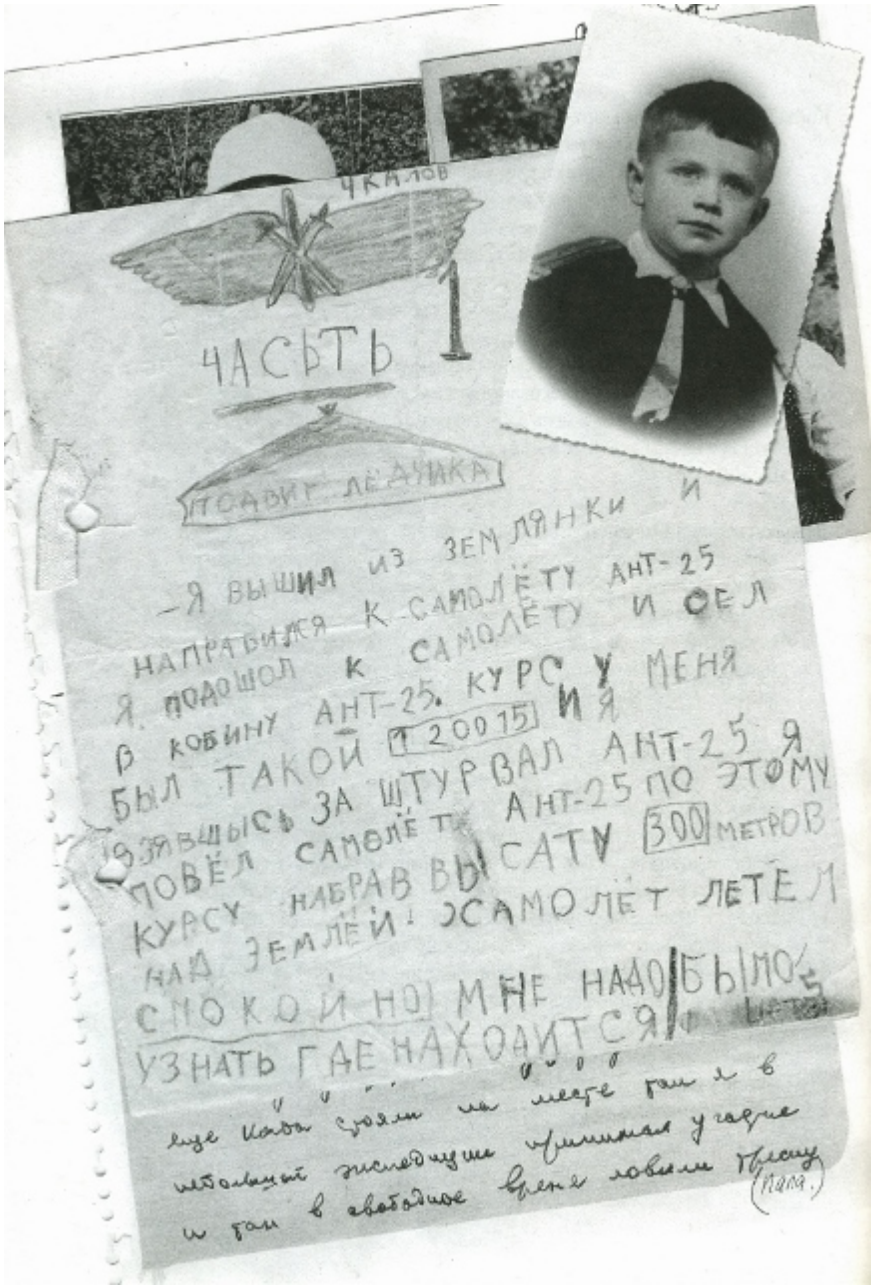


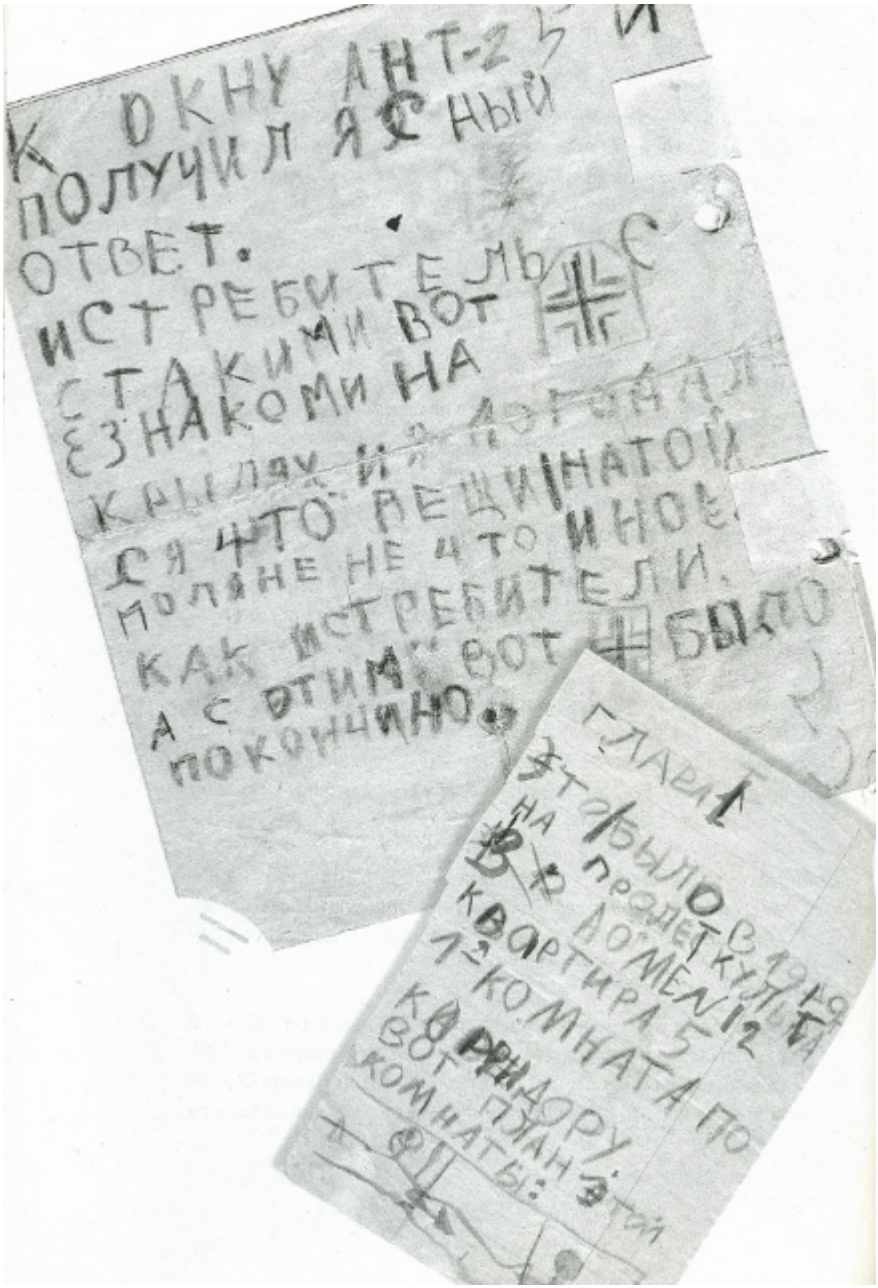
Боря с бабушкой Катей

мама

Ребенок 3 года. Хочешь я расскажу сказку? Жили были папа Волк, мама Волк и сын Волк. Они шли по дороге и папа Волк сказал: Давайте пускать слюни. Они шли по дороге и пускали слюни."

МИЛОЯ МАМА


ЧКАЛОВ
ЧАСТЬ 1
ПОДВИГ ЛЁТЧИКА
-Я ВЫШИЛ ИЗ ЗЕМЛЯНКИ И НАПРАВИЛСЯ К САМОЛЁТУ АНТ-25
Я ПОДОШОЛ К САМОЛЁТУ И СЕЛ В КОБИНУ
БЫЛ ТАКОЙ АНТ-25. КУРС У МЕНЯ
ЗЯВШЫСЬ ЗА ШТУРВАЛ АНТ-25 Я
ПОВЁЛ САМОЛЁТ
КУРСУ НАБРАВ ВЫСАТУ
НАД ЗЕМЛЁЙ! ЭСАМОЛЁТ ЛЕТЕЛ
СПОКОЙНО МНЕ НАДО БЫЛО
УЗНАТЬ ГДЕ НАХОДИТСЯ
(ПАПА.)


К ОКНУ АНТ-2
ПОЛУЧИЛ ЯСНЫЙ
ОТВЕТ.
ИСТРЕБИТЕЛЬ
СТАКИМИ ВОТ
ЗНАКОМИ НА
КРЫЛЬЯХ И ФЮЗЕЛЯЖ
ЧТО ВЕЩИ НАТОЙ
ПОЛЯНЕ НЕ ЧТО ИНОЕ
КАК ИСТРЕБИТЕЛИ.
А С ВТИМИ ВОТ БЫЛО
ПОКОНЧИНО.
ГЛАВА 1
ЭТО БЫЛО В 19
НА ПРОЕКТ КУЛЬ
В ДОМЕ 12
КВАРТИРА 5
ТРИ КОМНАТА ПО
КОРИДОРУ
ВОТ ПЛАН ЭТИХ
КОМНАТЫ:

ГЛАВА 1
РЕВАЛЮЦЫЯ
ГОНК В ТЕХУЮ.

Дорогой господин главнокомандующий,
капитан Немо!

Поздравляем вас с днём рождения!
Вся Швамбрания празднует ваше рождение.
Нью-Шламбург иллюминирован разноцветными
огнями. Все газеты печатают про ваши способности,
находчивость и храбрость. На стенах домов
висят ваши портреты, где вы в берете с вашей
мадам мамой.

Ваше ослепительство, судно „Бренабор"
везло вам сундук сокровищ. Вдруг случилась
буря. Адмирал Арделер Кейс и Джек, спутник
моряков, сошли вниз, чтобы не было насморка.
Тут из Фиолетового моря набросился на
корабль жестокий негодяй Уродоиал Шателено
отобрал сундук. Адмирал лежит в обмороке.
А Джек бегает по вантам ругается и кричит:
„Гром и молния, смерч и тифон! Пусть меня повесят
на рее, если я не верну сокровищ моему
храброму капитану Немо!"

Приглашаем вас, как-нибудь, в порт Сигар,
приезжайте поохотиться в мужественных
лесах на диких коньяков, или устроим
в вашу честь бой троглодитов.

Ждём ваших писем. Письма к нам
кладите на ночь в ваши галоши. Наши
сыщики будут их вынимать.

На подлинном собственной ногой
моего величества отпечатано каблуком

Царь Бальбонский.

ДОМ ДЕТСКОЙ КНИГИ ДЕТГИЗА
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва, А—47, ул. Горького, 43

4 июня 1962 г.

„Читать — это еще ничего не значит; что читать и как понимать читаемое — вот в чем главное дело".
К. УШИНСКИЙ

Дорогой Борис!

К сожалению, это единственные книги М. Рони старшего переведенные на русский язык.

Советум прочитать книги - Волков А. "След за кормой", Ильин М., Сегал Е. "Как человек стал великаном".

С приветом
редактор-консультант Патынская

СССР
МИНИСТЕРСТВО МОРСКОГО ФЛОТА

РАДИОГРАММА

Из SST MRJ -728/15 04/09/64
Принял FRIJAZIN часов 0145 780/21 Служебные отметки 32
15 час. 00 мин.

from Nautilus to Boris B.Grebentshikov Alpaiskaja str 22 ap 44 Leningrad USSR

My boy com congretulate you with your first school-day stop hope every hour of your life from now is approching you to nautilus stop she is waiting ror you stop capitan nemo stop

245- 180321/11

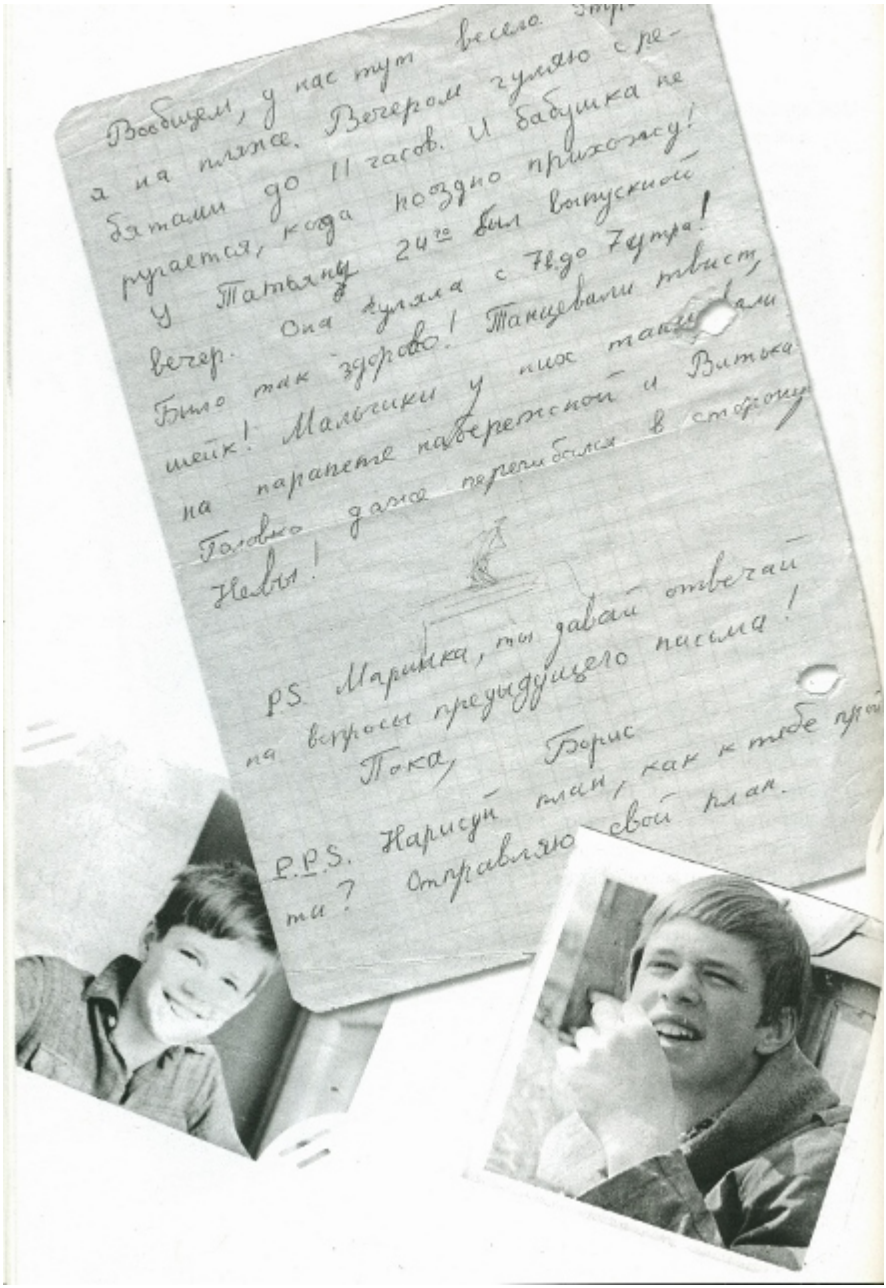
Радиограмма капитана Немо

Борька – второй во втором ряду

Дорогая мама!

Поздравляю тебя с днем 8 марта!
Желаю тебе всего-всего хорошего
(в том числе-кар из "Безумного мира").
Хочу, чтобы все твои желания
исполнялись!

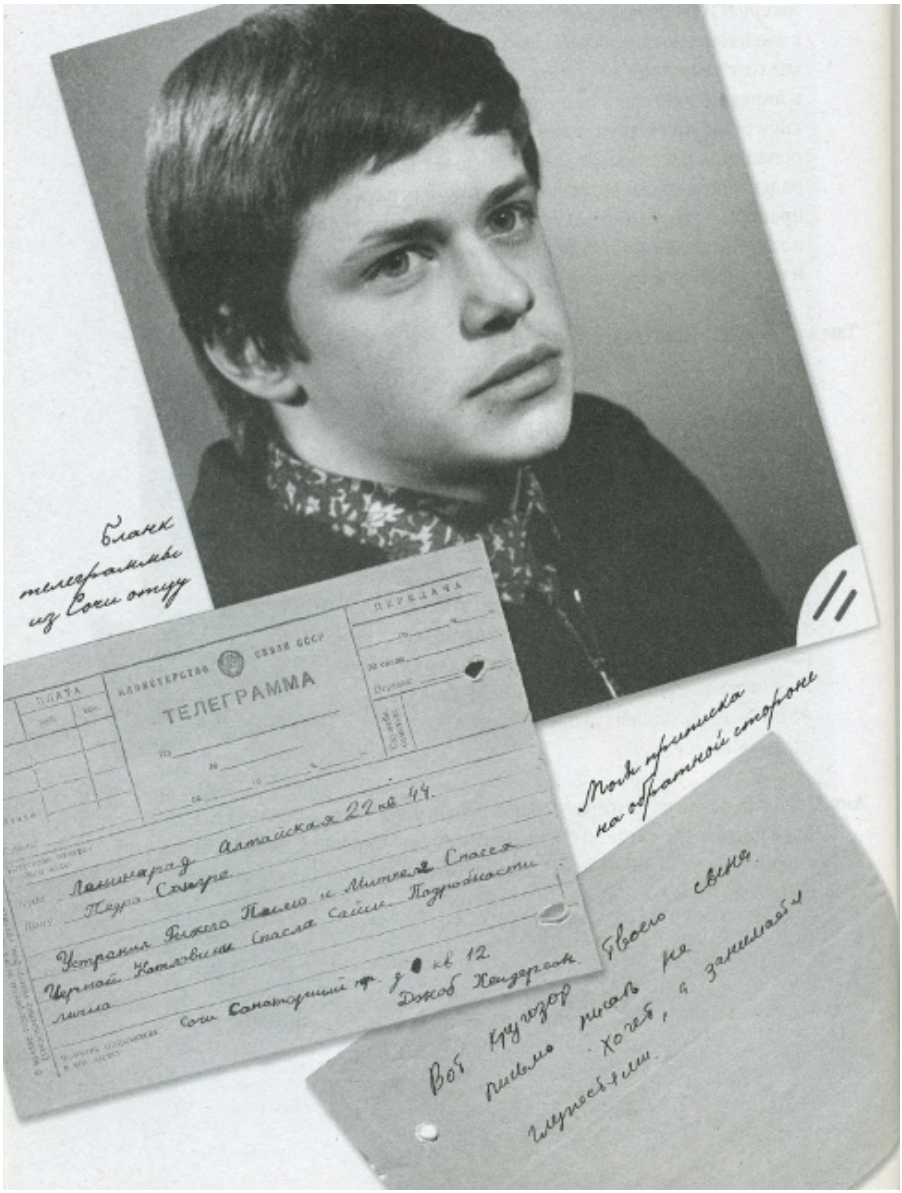
Целую, Борька.

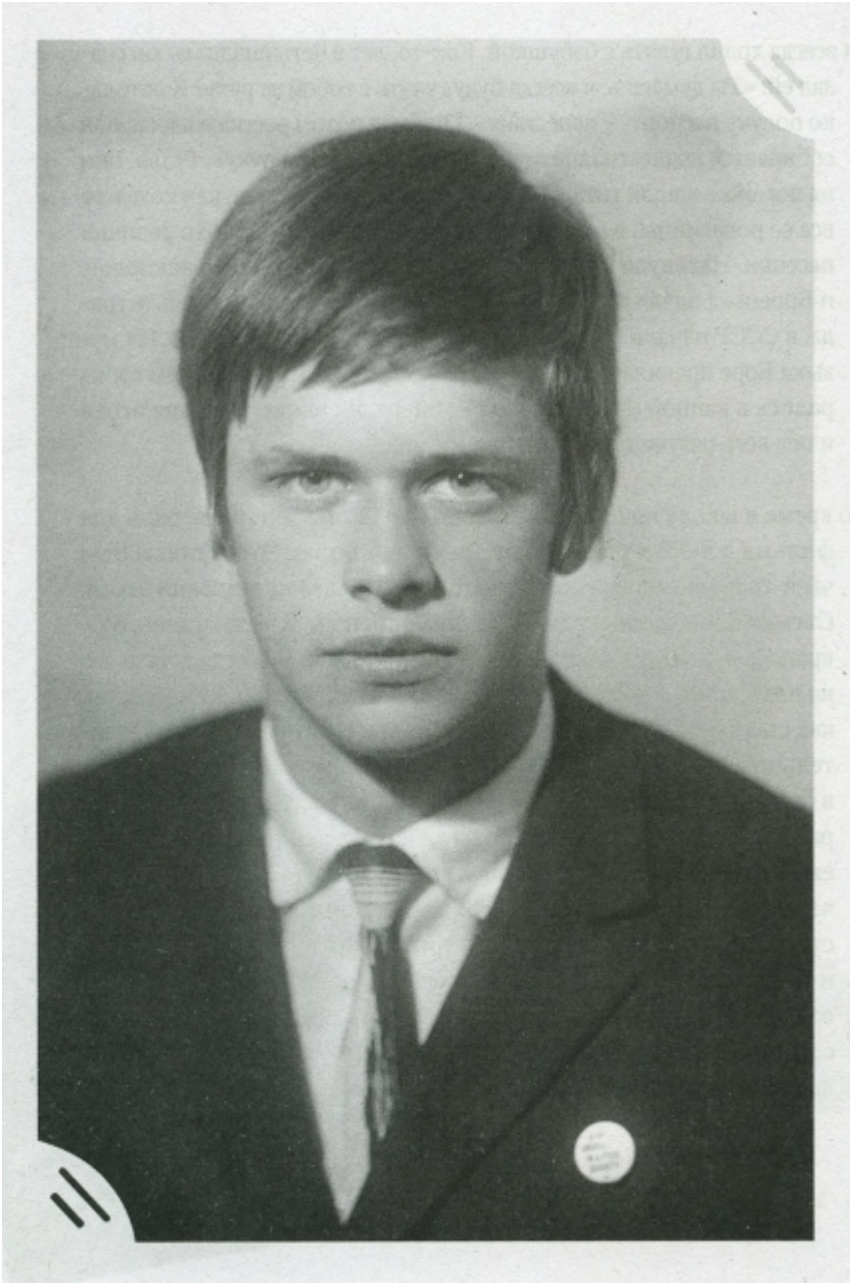


Вообщем, у нас тут весело. Зар-
а на пляже. Вечером гуляю с ре-
бятами до 11 часов. И бабушка не
ругается, когда поздно прихожу!
У Татьяны 24-го был выпускной
вечер. Она гуляла с 7-ти до 7-утра!
Было так здорово! Танцевали твист,
шейк! Мальчики у них так танцу-
на парапете набережной и Витька
Голова дама перегнулся в сторону
Невы!

P.S. Маринка, ты давай отвечай
на вопросы предыдущего письма!
Пока, Борис

P.P.S. Нарисуй там, как к тебе пр
ти? Отправляю свой план.

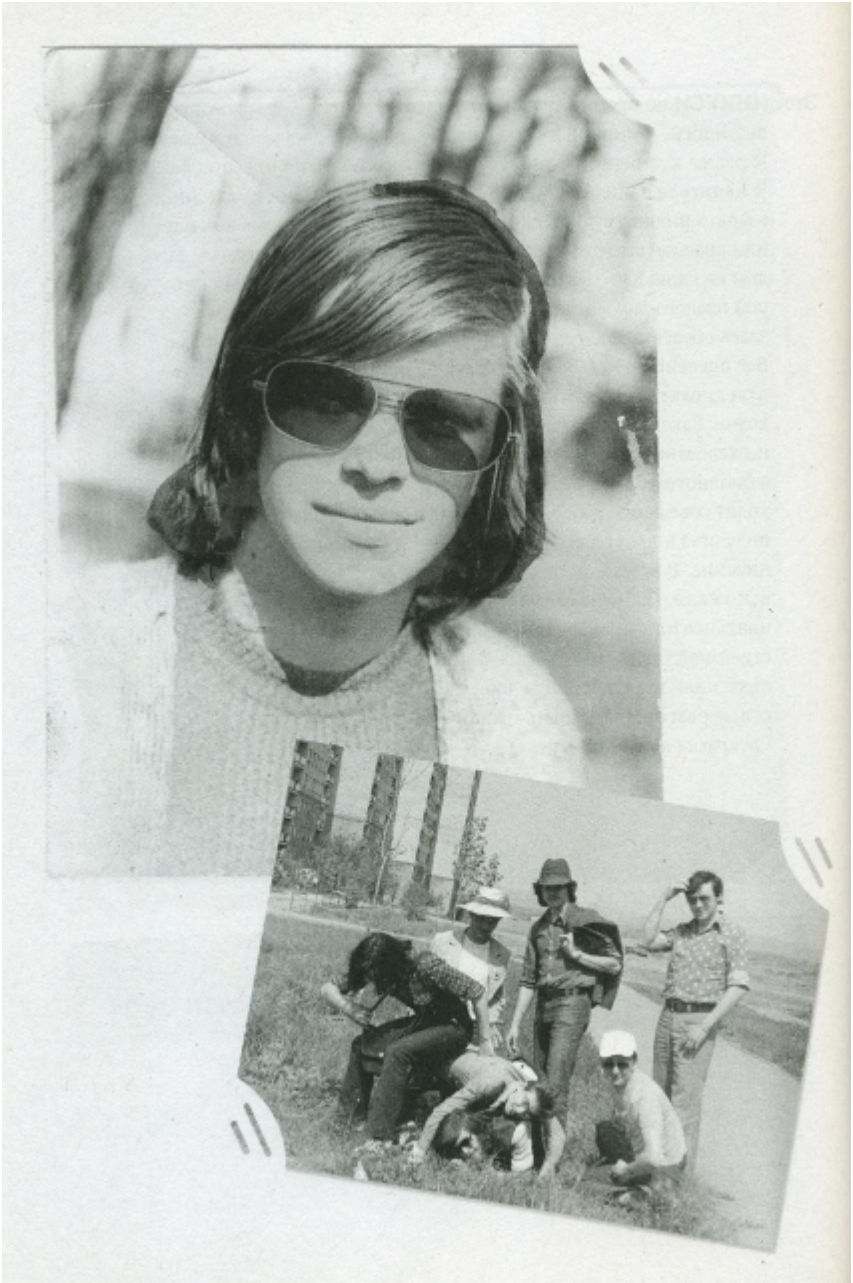

Бланк телеграммы из Сочи отцу
ТЕЛЕГРАММА
Ленинград Алтайская 22 кв 44.
Устраня Женю Тесно с Митей Спасся
Черный Котовским Спасля сайси Подробности
Сочи Санаторный пр. д кв 12.
Твоя приписка на обратной стороне
Вот кругозор
Письмо писать не
Хочешь, а заставят



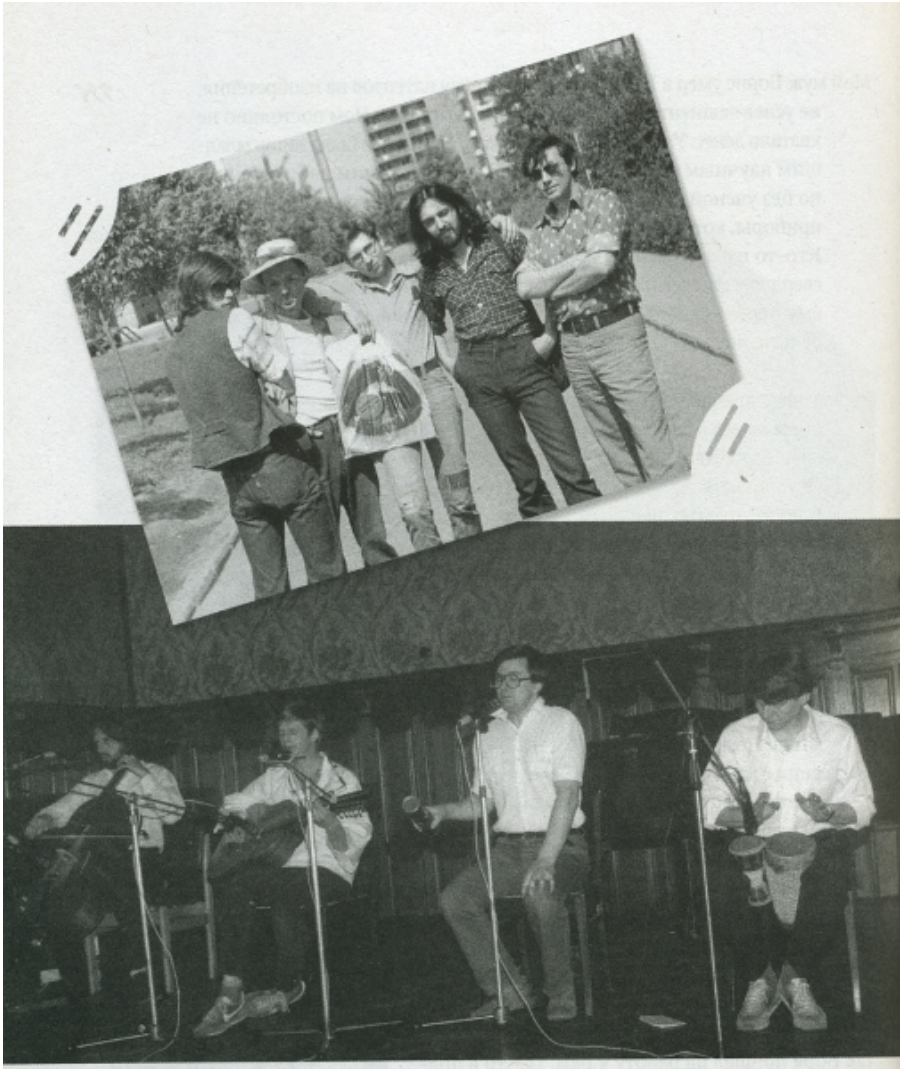
Сочи, 1967 год

Л. Х. Гребенщикова

РОЛЬ ПЕРВИЧНОГО УЧЕТА В УКРЕПЛЕНИИ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ



Наумченко, Гребенщиков, Романов, Гаккель, ?



"Акварелиста"

ПРИГЛАШЕНИЕ
НА СВАДЬБУ

Борис и Наташа

ИЛИ ДРУЗЬЯ – ЛИЧНОСТИ !!!

Будте любезны, отметить с нами начало
нашей совместной жизни, вроде как , того ...
Там написано вечерний ресторан, а вообще
это кафе, ест- в 19 ч.
17.09.76г.

НАТАЛЬЯ , БОРИС

Тексты Е.Гребенщикова по структуре и форме напоминают перев
стихов зарубежных поэтов. Продолжающие тексты не имеют ком
жительства, ничто в них не указывает на географическую, национ
ную, социальную или какую-либо иную принадлежность.
Циклы "Песни Боба Дилана","Дорога 21". это , вероятно, в
вость собственно. перевод. Не будучи знаком с оригиналом, могу
заметить, что текст выполнен грамотно в технических отношени
о содержании мне судить трудно. В равной мере сказанное отно
относятся и к песне того же цикла "Грех называть людей /Держит
ся хорошо/", [illegible] мне более импонирует название в скобках.
"Синева исчезающих дней". Набор слов и фраз, может быть,
немного научных, но именно они в совокупности, чем
"тяжелое синее/разговор/","Энергия"более самостоятелен, чем
песня, имеет проведена и завершена, "бог" вряд ли нужен. Три
строки о Марии - хороши, просты, полезны. Часть "И я был бы ра
одевать так же о тебе" - ок. вначале о после "Синева".
"В полных телах". Путанато. Строка "Со мной никогда не
случалось ничего лучше тебя " звучит нарочито.
"О летящей тарелке". Вероятно, может звучать, как шутка.
Нуждается в доработке.
"Блюз НТР". нужна доработка. Разобраться со"строем", "НТР"
убрать. Текст интересен, грамотен, но нет адреса.
"Почему не падает небо". Нет претензий, кроме вышеназванных
по поступлению.
"Человек "ХЛ-СД". Время , звучавшая в нашей песни, потеря
в финале. Не очень ясно, в чем дело.
Автор, думаются , способен на большее, чем то, что было
представлено.

20/IV 80 г.

Алиса Ч. найду в ней одну загадку, запишу
прочитай её на переменке и озадачь всех:
„не всех раздавить надо".

Детей у меня уже много. Ведь я
ещё не замужем.

Из окон вышел злопыхательский:
Лешка и его сарайники.

Царевна в магазине:
Я – у вас есть маленькие
кошмари?

Алиса: „маленьких нет,
есть одна большая
калибра."

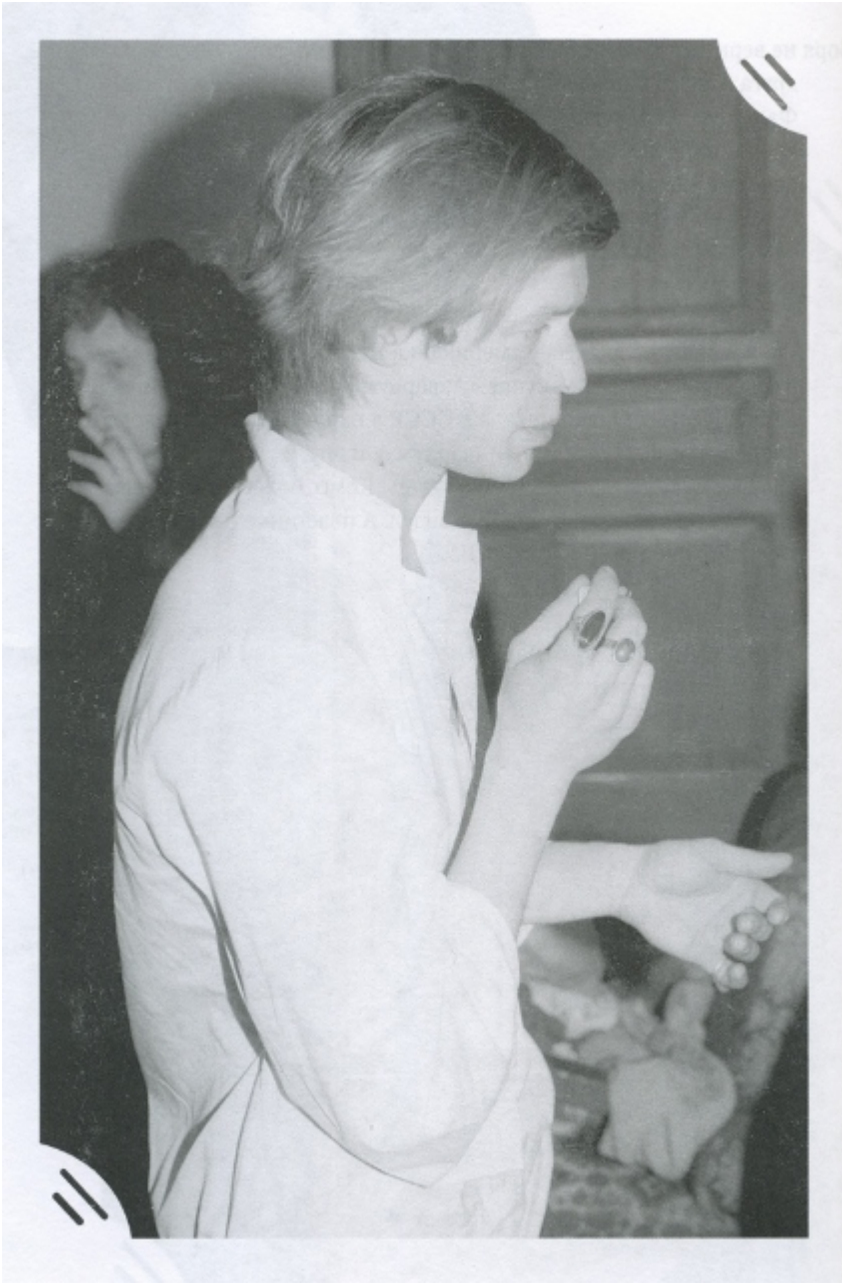
А. хочешь сказку про
волка?
Я – не надо, боюсь.
А – Не бойся, это наш
советский волк, он
нашего не ест.

В ответ на мое замечание Алиса: „Я к тебе полезлива не буду
Я – дама хозяйственная. Алиса (подумав, с торжеством) – Ноготь не будет!.

Алиса смотрит картинки к к. Пушкина. На картинке шестнадцатилетний сарафан. Алиса: А кто это – сарафан? Я – „костюм"
Алиса настороженно: „он кусается или нет?"
Алиса в театре. Я – „Это тебе больше всего нравится в балете?"
Алиса: „Смотреть в бинокль по сторонам".
На „Аиде" – глядя на взрослых в костюмах бабушек, сестер –
– "Алиса восторженно: „Ах, как все – комплименты!"
Алиса: принцесса полюбила простого человека. Он подарил ей щенка, а сам пошёл в народную борьбу.

Выпуск Алисы в театральном

С Дорогой Сонечкой



Вернемся к делам рок-клуба. Крупными мероприятиями, проведенными после его создания под руководством и при участии Ленинградского обкома ВЛКСМ, Дома самодеятельного творчества и других организаций, стали смотры-конкурсы любительских рок-групп Ленинграда и области. Таких смотров проведено уже три.

В последнем меня убеждает пример группы, которой я не вижу аналогов среди известных мне профессиональных и непрофессиональных групп. Ее музыкальные достоинства основаны на разнообразии, на смелом, порою дерзком сочетании элементов, изначально далеких друг от друга. Вместе с тем это лишено эклектизма, ибо различные музыкальные начала сплавлены воедино творческой личностью автора музыки и текстов.

Я говорю об «Аквариуме» и Борисе Гребенщикове.

Прослушивая один за другим «Синий альбом», «Акустику», «Треугольник», порой удивляешься неожиданности музыки и текстов, артистичности и изяществу, с каким сделана каждая вещь. Просится слово «изысканность», которое не кажется странным даже при том, что какие-то песни написаны на сленге и в них можно встретить далеко не изысканные выражения. «Низкое» интересует автора не само по себе, а как антитеза «высокому».

Говоря однажды о «Машине времени», я отмечал, что Андрей Макаревич — по сути лирик, он распахнут перед слушателями, он ищет доверительного общения. Человеческое и художническое «я» у него стремятся к максимальному сближению.

Борис Гребенщиков совсем другой. Он не лирик, он всегда соблюдает дистанцию между собой и слушателем. По его артистическому «я» трудно догадаться, что он за человек. Он не рассказывает о себе, он показывает — себя и других. При том, что в его песнях часто встречается слово «я», это слово принадлежит его амплуа.

Борис закончил известную в Ленинграде школу № 239 с математическим уклоном. После окончания факультета прикладной математики Ленинградского университета несколько лет работал по специальности. В университете он создал свою группу «Аквариум», существующую уже более десяти лет.

Его мягкий сладкозвучный тенор, казалось бы, совершенно не соответствует далеко не идиллическому содержанию песни. Он создает иллюзию покоя, он убаюкивает, тогда как тексты действуют возбуждающе.

Оценить прелесть «Аквариума» легче всего можно, прослушивая хорошую магнитофонную запись в стереонаушниках. Тогда замечательно слышны все инструменты: гитара Александра Ляпина, бас Александра Титова, ударные Петра Трощенкова, виолончель Всеволода Гаккеля, клавишные Сергея Курехина, флейта Андрея Романова. И, конечно же, голос Бориса Гребенщикова, чарующий в подлинном смысле этого слова, то есть обладающий чарами.

Справедливости ради следует сказать, что то направление, которое избрал «Аквариум», иногда уводит его несколько в сторону от проблем, в область, так сказать «чистой» музыки и поэзии, что чревато излишним эстетизированием. Иной раз хочется простоты и ясности высказываний, простоты и ясности позиция. Хочется программной песни.

Аквариум?

78 г
Тарту

Когда они в 1976 году неожиданно для себя и неожиданно для публики выступили на Таллинском фестивале (им разрешили поиграть вне конкурса, а в программе фестиваля они не значились), жюри было озадачено. Присудить приз «Аквариуму» не могли: вне конкурса. Ничего не присуждать тоже было нельзя: очень уж понравилась таллиннцам эта группа. Потому музыкантам просто сказали: «Если бы вы выступали в рамках фестиваля, мы бы наградили вас первой премией за самую интересную программу». — Поощрили!

А 3 марта 1978 года «Аквариум» играл в клубе ТГУ. Зрителей было мало, просто очень мало, т. к. афиши появились всего лишь за день до концерта. Но те, кто каким-то образом успел узнать и прийти, были не в меньшей степени удивлены, чем обрадованы. Удивлены необычностью «Аквариума», обрадованы тоже необычностью «Аквариума».

Трудно говорить о необычности отдельно музыки, отдельно стихов, но все вместе — песни и целые композиции — звучали на редкость нетрадиционно, искренне живо, убедительно — непонятно почему: может музыка такая, может, — стихи, может, — манера исполнения, а может, — сами музыканты.

Когда-то трубадуры, воспевая прекрасных дам, слегка подыгрывали себе на мандолинах, чтобы проникновеннее звучали стихи. Сегодня музыканты, замечательно играя на гитарах, слегка сопровождают свою музыку словами. Не всегда, конечно, но, к сожалению, очень часто поэзия отступает на задний план, уже не претендует на равноценное с музыкой значение.

Но это не про «Аквариум». Музыка и стихи здесь слиты в неразделимое единство. Возможно поэтому и возникли споры: кто они, все-таки — музыканты или поэты.

МНЕНИЯ.

К. П. Они мне не понравились — это же бред какой-то, т. к. это не настоящая музыка, не классическая. Меня как будто грязью облили. Стихи, конечно, ничего.

А. Ш. Отличная команда! Давно не получал такого удовольствия. Сколько выразительности и искренности!

Д. К. Очень хороший ансамбль, хотя мне не очень понравилось, т. к. я плохо разбираюсь в подобной музыке.

Е. Ю. Я отдыхала душой и телом! Получила огромное эстетическое наслаждение!

В. В. Аншлаг душ!

И. Н. Сколько об «Аквариуме» говорят, а я как дурак, пошел на театра «Ленсовета.»

А. Ш. Ребята! Боря! Миша, Сева, Марат! Приезжайте к нам чаще.

Мнение большинства. Чудесная музыка и чудесные стихи — про нас!

С. ГЕЛЛЕРМАН

ПЕРЕД СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИЕЙ

АУДИТОРИЯ, в которой лишь час назад закончилась лекция, превращена в маленький концертный зал. Сумрачно. Лишь мягкий свет софита выхватывает из темноты лицо певца, звучит мягкий, негромкий голос, рассказывающий о любви, верности избранному пути...

Такие встречи стали для студентов факультета журналистики традиционными. Так, в прошлом году выступали самодеятельные певцы и композиторы, создатели

Лит. Газ. 1975

песни Е. Клячкина и Ю. Кукина. Проходила у нас «Кухня» и своих «бардов».

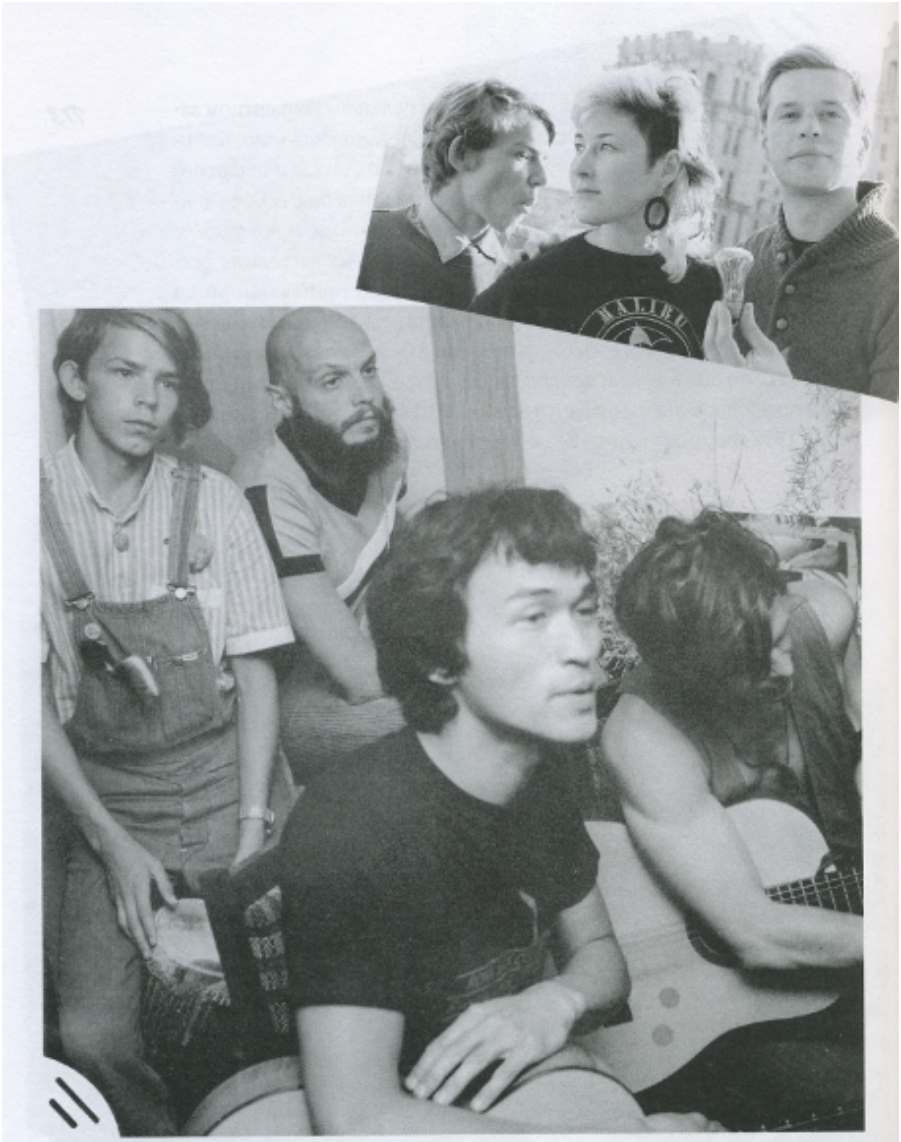
И вот теперь выступает композитор, певец, руководитель популярного молодежного фольк-ансамбля «Аквариум» Борис Гребенщиков.

Борис окончил факультет прикладной математики — процессов управления ЛГУ, работает на одной из кафедр своего факультета. В свободное время репетирует с ансамблем, дающем песни, выступает перед студенческими аудиториями.

— Песни, которые я исполняю журналистам, — говорит Б. Гребенщиков, — входят в цикл ин-

дийской, русской, тибетскую, народную музыку. Надеюсь, что в скором времени нам предоставится возможность в полном составе выступить перед студентами ЛГУ.

Т. ГАГЕН,
студентка факультета журналистики



Сергей Бугаев, Александр Липницкий, Виктор Цой, Борис Гребенщиков

Divina Infusino

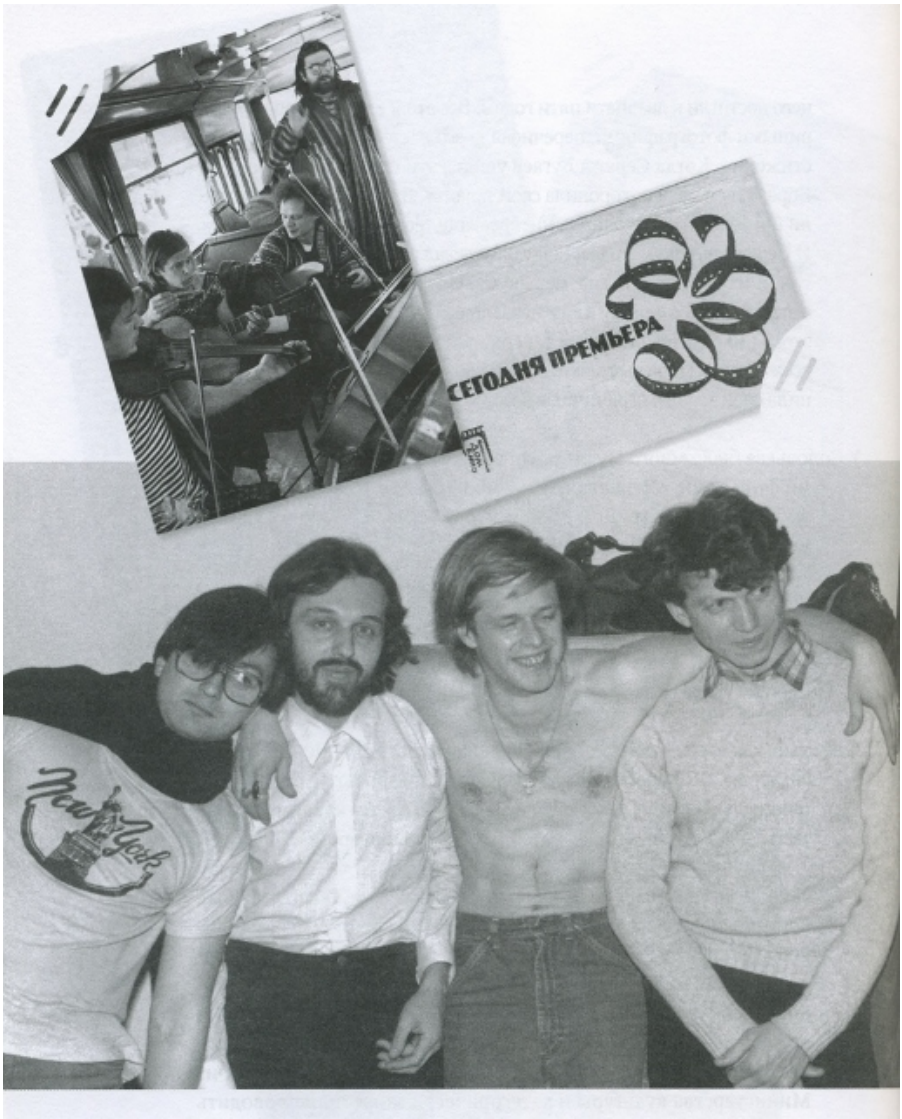
RED WAVE 4 AMERICAN BANDS IN THE USSR

Cover of the "Red Wave."

АРТ-РОК-БАРАК

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

РОК-МУЗЫКАНТЫ ЗА ДОВЕРИЕ


СЕГОДНЯ ПРЕМЬЕРА

Grebenshikov: "Rock is a protest. You need oppression to sing the blues."

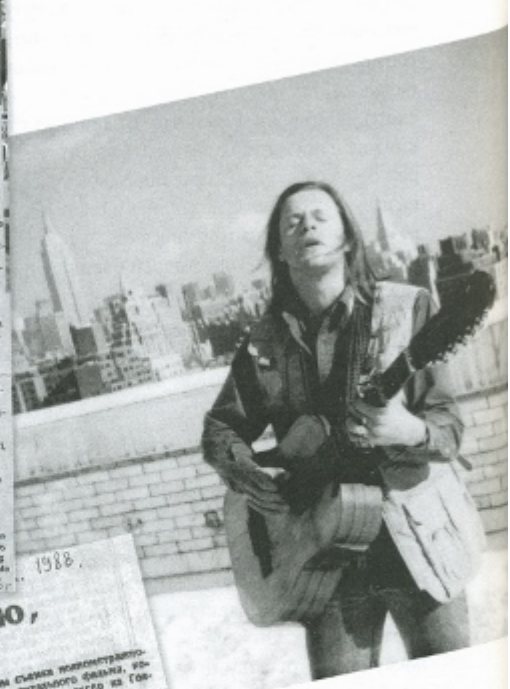
Aquarium's leader rises to the surface

Boris Grebenshikov's one-room apartment on Lomonosov's Sofia Perovskaya Street is an eight-floor walk-up in a run-down building. The walls of the stairwells are crumbling and covered with graffiti messages to Misha and his rock band, Aquarium: "Yuras, I love you—I can't live without you."

Grebenshikov may be the superstar of Soviet rock music at the moment, but because he is an "unofficial" artist he lives like any young Soviet supporting his family on an income roughly equivalent to that of a poorly paid laborer. Boris, 32, his wife, Lucia, 31, and the 2-year-old son, Gleb, share the six-room apartment with three other people. From a long central hallway, a large communal kitchen and a shared bath and toilet. A rolled-up sleeping bag lies against one wall, a ragged couch and chair sit opposite. The dark walls and stained ceiling, decorated with posters and lithographs, are broken in the unsparing Soviet realist style only by anything Western. A can of Campbell's Chicken Gumbo soup, carefully cleaned and preserved, sits on a shelf, as does a bottle of Bell-ny's Irish Cream liqueur. A fragile map of the United States covers the wall. A collection of hundreds of cassette tapes is arranged in one corner, a display of Russian icons in another.

Until recently Boris and Aquarium had never played in official concerts. He had refused to take part in the state-controlled music industry because doing so meant accepting artistic control, destroying his onstage image and playing only versions of his songs that had been tuned by the conservative Ministry of Culture. So he preferred to play in small, cramped flats as concerts and to record cassettes in primitive apartment and garage studios. Through the hand-to-hand music black market, Boris and Aquarium became famous, even if they never made it big.

But Gorbachev's radical New Age has weakened Soviet censorship laws just enough to give a few official concerts around the country. And now the band has signed a contract to produce an album on the official Melodiya label. Boris says the Melodiya representatives at first tried to pressure him into changing his sometimes depressive, fatalistic lyrics. ("Friends, come on, let us all die! Why should we live this dreary life?"), but when he refused they relented and the band was able to record its songs uncensored. Now there is talk that he may be allowed to visit the U.S. in order to record with American musicians. As always, though, Boris will do it on his terms or not at all. "When I look at the Beatles I see as a spiritual leader. I prefer being in this position. I like to think about my own change something among people who are listening."—M.T.



1988.

Борис ГРЕБЕНЩИКОВ.

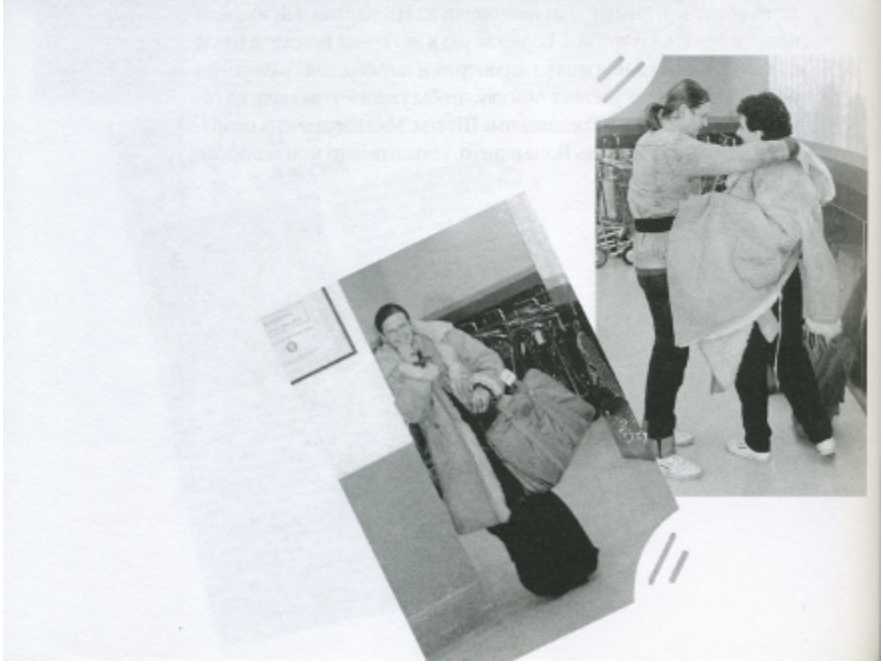
Теперь я знаю, кто я такой

Борис Гребенщиков — патриарший композитор и поэт, прозаик и художник. С 1972 года — руководитель, идеолог и вдохновитель легендарной рок-группы «Аквариум», автор музыки к фильмам Сергея Соловьева «Астенический синдром» и Виктора Тихомирова «Ассистентка», участник многих акций, «Сыроежка» и «Рок-лаборатория». Сейчас Борис Гребенщиков — участник съемок полнометражного документального фильма, который снимает режиссер из Голландии Надя Ахеда.

Раньше мы, все время отвлекаясь через песню, а теперь поняв, что вовсе не нужно этого делать и что у меня есть чувство собственного достоинства.

В наши годы нельзя сидеть и делать время между Эдинбургом и Бостоном, записывать музыку и играть концерты. Очень хочется проехать по всей России. Группа «Аквариум» из-за того, что мы все время ездили, была для многих людей в нашей стране чем-то вроде легенды. Мы сделались звездой с мировой точки. Сейчас записываем новый альбом. Что с фирмой «Мелодия», пока, лучше дела не иметь. По крайней мере по-прежнему не хочу, что мы официального статуса, никакого официального контракта. Я и наши тоже будет все по-другому: теперь я знаю, что я такой, и надо только применять это знание на практике — иметь в виду, не бояться жить.

Д. ЕФРЕМОВ.



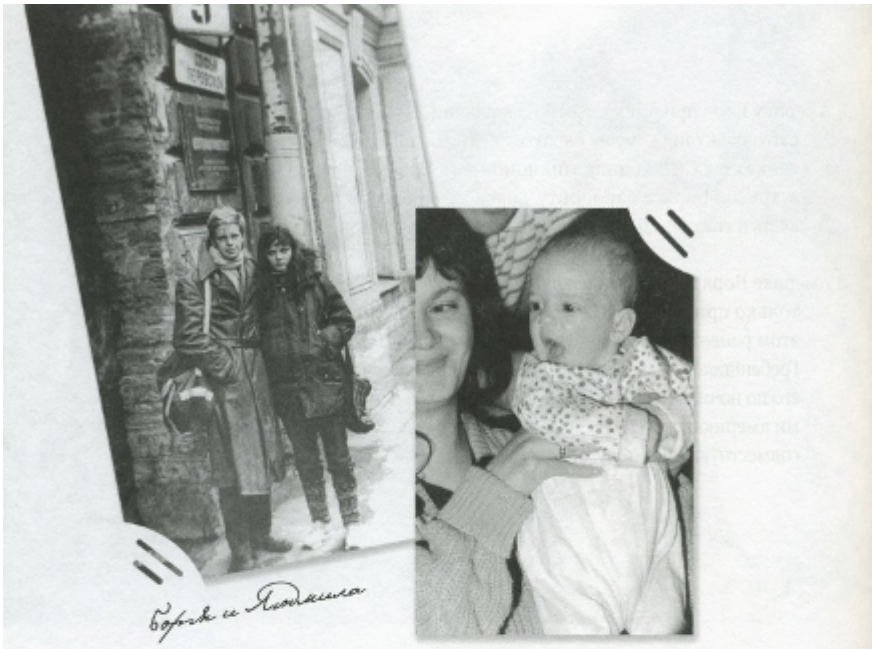
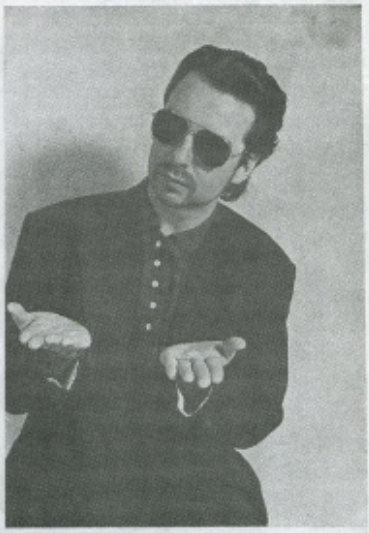

Борька и Наташка

Фото А. Усова

ДЕЙВ СТЮАРТ



БОРИС ГРЕБЕНЩИКОВ

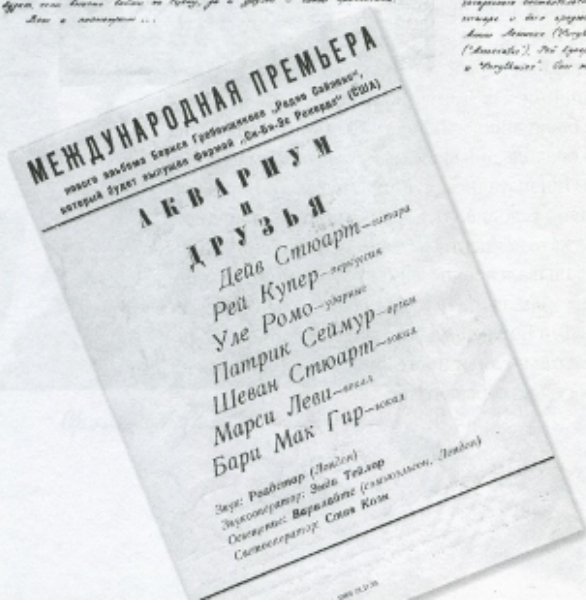
В августе 1987 года в Ленинграде записан диск электронной музыки двух друзей и очень одаренных музыкантов.

В январе 1988 года дебютный концерт в Ленинграде и последующие два года почти полное молчание по поводу и вокруг с этой программой.

Дело в последнем ...

9 декабря 1987 года в Ленинграде на студийном автоответчике появился голос Бориса Гребенщикова ("Аквариум") и Дейва Стюарта ("Eurythmics").

В апреле 1988 года в Ленинграде они встретились снова, на этот раз на совершенно официальной основе: Борис Гребенщиков, Дейв Стюарт и группа с двух сторон сцены. Слушайте записи прекрасных музыкантов Анатолия ("Аквариум"), Фреда Хейдлера ("Мистерии"), Бориса Рыжего ("Алисия"), Рой Кудро (Вермонт, Элвис Костелло и др.), других членов "Аквариума" и "Eurythmics". Они тоже умеют обо всем и много.



Японский обряд бракосочетания Бори и Ирины

EST OUVERT AU PUBLIC PENDANT LES TRAVAUX

Tour Eiffel

НАДПИСИ НА СТЕНАХ ЛЕСТНИЦЫ

МЫ ДЕТИ ДЕКАБРЯ, ЭТО ПРАВДА

БОБ, ТЫ ЛУЧШЕ ВСЕХ

КОГДА ЖЕ НАСТУПИТ ДЕНЬ СЕРЕБРА

МЫ ХОТИМ СОЗНАВАТЬ, ЧТО РАБОТАЕМ ВМЕСТЕ С ТОБОЙ

БОБ, Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ

СВЕТ КОТОРЫЙ МНЕ ДАЛ АКВАРИУМ

БОБ, СВЕТ В ТВОИХ РУКАХ

СЛАВА Б.Г.УРА !

БОБ, ТЫ НАС СОЗДАЛ

СНИМИТЕ ШЛЯПУ ЗДЕСЬ ХРАМ ГРЕБЕННИКОВА

АКВАРИУМ ПРИВЕТ ОТ ВОРОНЕЖА

ГОСПОДЬ ЛЮБИТ ТЕБЯ

МОСКВА

НЕБО СТАНОВИТСЯ БЛИЖЕ, БОБ

БОБ, ТЫ ДИКТУЕШЬ РОК

ПРИ ПОЖАРЕ ЗВОНИТЕ 2 15 85 06

МУЗ.ШКОЛА ЛЮБИТ БОБА

АЛ ЛАВ Ю БОБ

НА НЕДЕЛЬКУ ДО ВТОРОГО БОБ УЕХАЛ В КОМАРОВО

БОРЯ НЕ СЛУШАЙ НИКОГО, МЫ ТЕБЯ ЛЮБИМ

ОНЛИ БОБ

~~ЖЖХЖЖЖЖЖ~~ мне снится пепел

МНЕ ТОЖЕ БОБ We are happy where you are

БОРЯ, ВОЗЬМИ МЕНЯ К РЕКЕ

РЯ ПРИВЕТ ИЗ ДАРЬДКОРО ПРИЕЗЖАЙ К НАМ В МОСКВУ

РОК С НАМИ ОН НАМ ПОМОГАЕТ

Я БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ ЗА ТО ЧТО ТЫ ЕСТЬ

А МЫ ЛЮБИМ ЛЮДУ

АКВАРИУМ И ТОЛЬКО АКВАРИУМ !

ОРЯ, ЖИВИ ВЕЧНО

Ь, МНЕ НЕ НУЖНО МНОГО СЛОВ, ЧТОБЫ СКАЗАТЬ ТЕБЕ, ЧТО ТЫ — ЭТО ВСЕ ЧТО Я ХОЧУ

Боря — ты Бог !

Боб - ты создал нас.

Отдавайте свои голоса Гребенщикову

Держись Борис. Мы все за тебя

Твои песни это окно, в которое мир прекрасен

Боб ! Ты чудесней всех чудес.

Мы уверены — ты Современный Пушкин

Борис ! Вас любят ленинградские евреи

спасибо аквариуму

Мы тебя не подведем Боря

Аквариум открыл нам глаза

Боб ! Ты луч света в темном царстве

Ты мой Бог !

Слава Боре ! Воронеж любит тебя.

АКВАРИУМ, ДОМ КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ БОБ

Боря ! Береги себя !

Храни тебя Господь !

БОРЯ Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ

Боря ! Долгая полоса хуже чем серпом, но мы не смеем Тебя забыть никогда !

Б.Б. Помочим, где сеномем, где ...

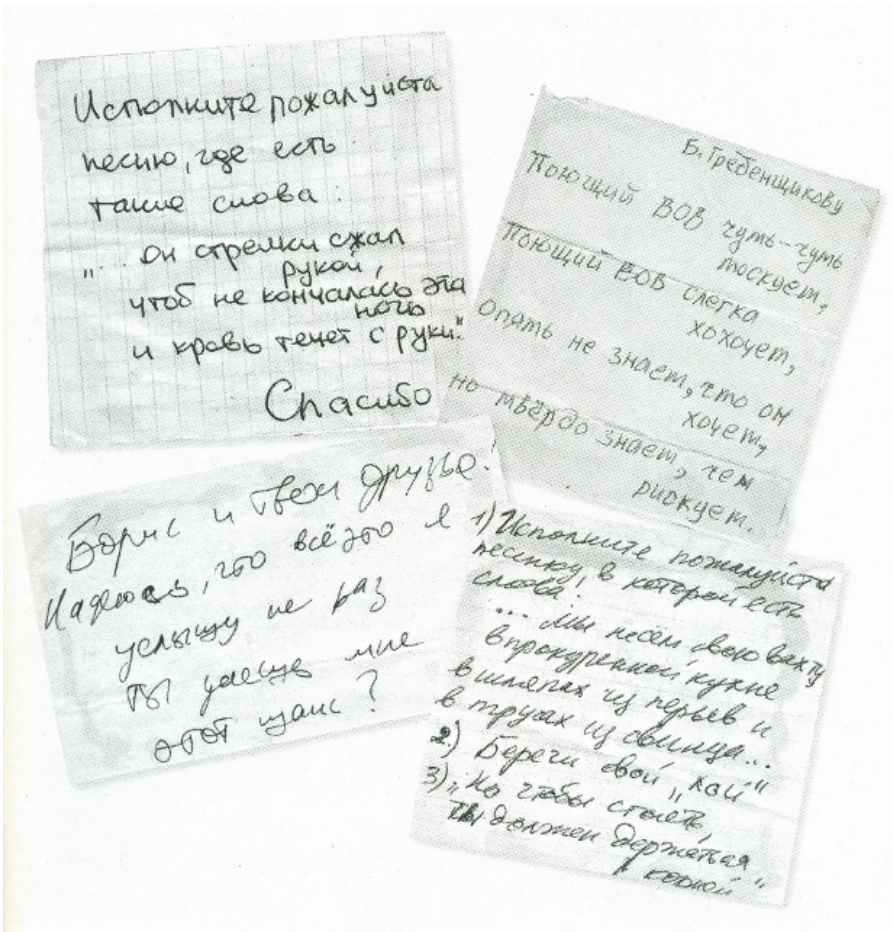
Москвич.

Мурм. обл. Ковдор 17532?

Надп. на Мавзолее

Боре — люби маму.
Спасибо вам за сына

Советская Урла ! Ты еще поймешь, как тебя наебал Гребенщиков своей философией.

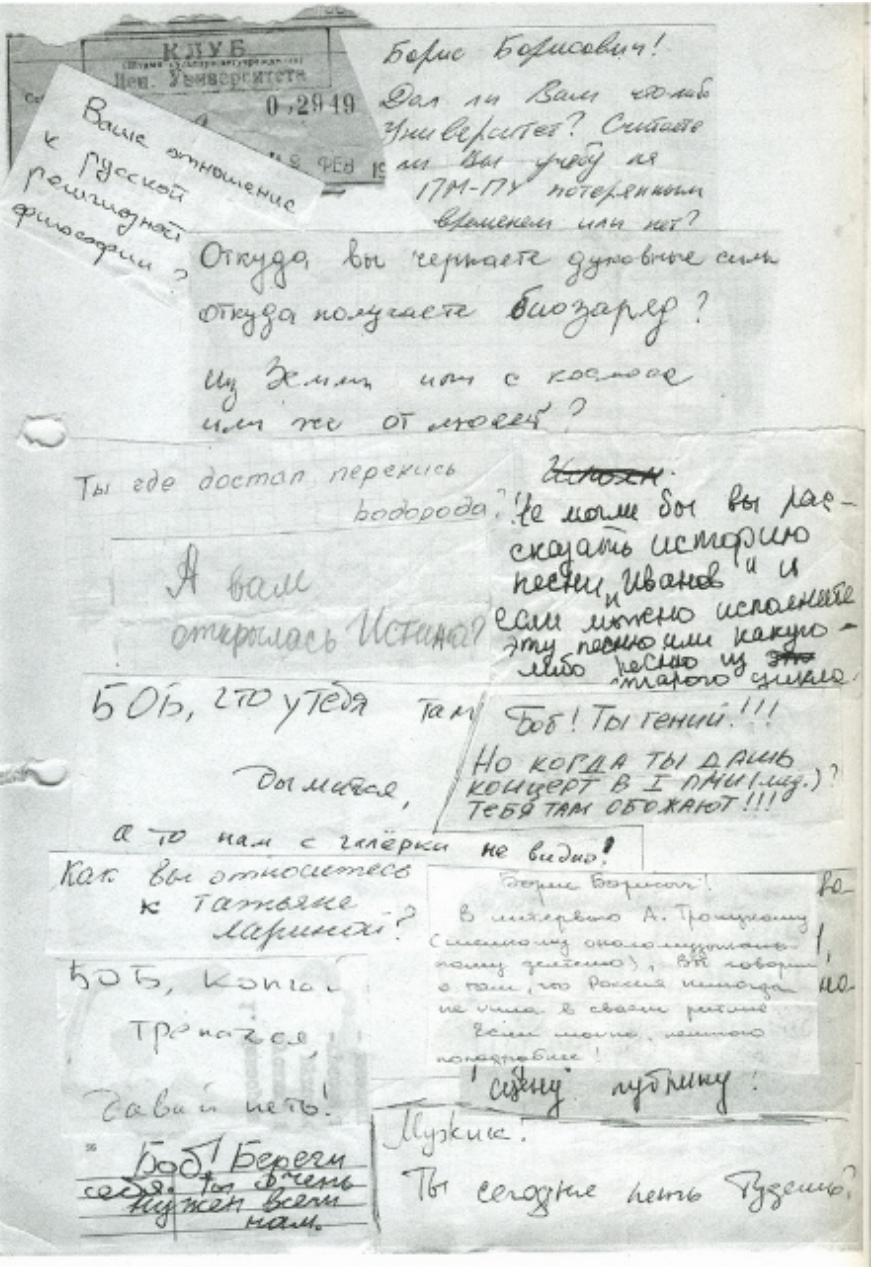


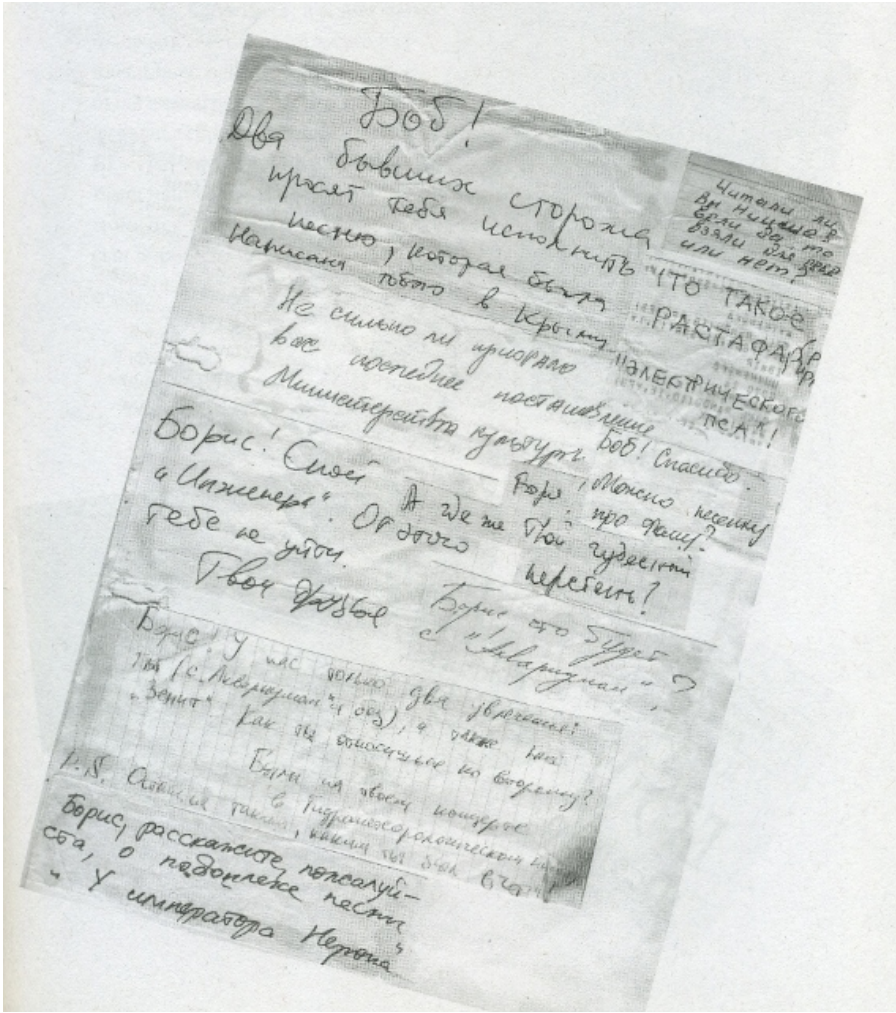
Исполните пожалуйста песню, где есть такие слова:
"... он стремя сжал рукой, чтоб не кончалась эта ночь и кровь течет с руки."
Спасибо

Б. Гребенщикову
Поющий Вов чуть-чуть тоскует,
поющий Вов слегка хохочет,
опять не знает, что он хочет,
но твёрдо знает, чем рискует.

Борис и твои друзья.
Надеюсь, что всё это я
услышу не раз
Ты дашь мне этот шанс?

1) Исполните пожалуйста песню, в которой есть слова:
... мы несём свою вахту
в прокуренной кухне
в пилотах из перьев и
в трусах из овчины...
2) Беречь свой "хай"
3) "Но чтобы стоять
ты должен держаться
своих"


КЛУБ
Лен. Университета
0,2949
ФЕВ
Ваше отношение к Русской религиозной философии?
Борис Борисович!
Дал ли Вам клуб Университет? Считаете ли Вы учебу на 17М-ПУ потерянным временем или нет?
Откуда вы черпаете духовные силы откуда получаете биозаряд?
Из Земли или с космоса или же от людей?
Ты где достал перекись водорода?
Не могли бы вы рассказать историю песни Иванов и и если можно исполнение эту песню или какую-либо песню из старого цикла.
А вам открылась Истина?
Боб, что у тебя там
Боб! Ты гений!!!
Но когда ты дашь концерт в I ПНИ (мед.)? Тебя там обожают!!!
Да мне с галёрки не видно!
Как вы относитесь к Татьяне Ларисе?
Борис Борисович!
В интервью А. Прокушину (имеющему около миллиона читателей), Вы говорите о том, что Россия никогда не учила в своих ритмах
Если можно, немного поподробнее!
Боб, Копыл
Трепачев,
Давай петь!
Боб! Береги себя, ты очень нужен всем нам.
сдуну пушинку!
Мужик!
Ты сегодня петь будешь?


Боб!
Два бывших строма
шлет тебя исполнить
песню, которая была
написана тобою в Крыму
Не сильно ли пригорало
все последние постановщик
Министерство культуры
Боб! Спасибо.
Можно песенку
про фраер?
А где та
Борис! Слюй
а „Инженер". Об долго
тебе не убил.
Твой Жлобь
Читали ли Вы Ницше? Брали ли это в руки или нет?
ЧТО ТАКОЕ РАКТАФАКТР ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ПСА!
Борис это будет с „Авариями"?
Борис! У нас только два убежища!
Ты (с Ледорубом и ОВД), а также наш „Зенит". Как на осмотре на водку?
Были на нашем концерте
Борис, расскажите, пожалуйста,
о подонке Нероне
и Императора

ПРАВИТЕЛЬНСТВЕННАЯ
ТЕЛЕГРАММА

Для заметок адресата

114

Прием: 25/11 го 14 час. 21 мин.
Бланк № 339
Подпись:

ТЕЛЕГРАММА
А/О 02 111224
МОСКВА 111224/4 96 25/11 1415=

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ ДОМ 88 КВ. 30
ГРЕБЕНЩИКОВУ БОРИСУ БОРИСОВИЧУ=

УВАЖАЕМЫЙ БОРИС БОРИСОВИЧ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕТ
ВАС С НАГРАЖДЕНИЕМ ОРДЕНОМ ,,ЗА ЗАСЛУГИ ПЕРЕД ОТЕЧЕСТВОМ''
IV СТЕПЕНИ ИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ АВТОР ПЕСЕН ТАЛАНТЛИВЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ
СОЗДАТЕЛЬ И ЛИДЕР ЗНАМЕНИТОЙ ГРУППЫ ,,АКВАРИУМ''- ВЫ ВНЕСЛИ
БОЛЬШОЙ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РОК-МУЗЫКИ
ЭТА НАГРАДА- ЗНАК ПРИЗНАНИЯ ВАМ И ЧЕЛОМУ ПОКОЛЕНИЮ ДЕЯТЕЛЕЙ
КУЛЬТУРЫ КОТОРЫЕ НАЧИНАЯ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ ,,НЕТРАДИЦИОННОГО''
ИСКУССТВА СПОСОБСТВОВАЛИ ИЗМЕНЕНИЮ ОБЛИКА РОССИИ В КОНЦЕ
XX СТОЛЕТИЯ ЖЕЛАЕМ ВАМ УВАЖАЕМЫЙ БОРИС БОРИСОВИЧ КРЕПКОГО
ЗДОРОВЬЯ СЧАСТЬЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ НОВЫХ ТВОРЧЕСКИХ СВЕРШЕНИЙ=
7665-01-50/26 ВАШ МИНИСТР КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
М.Е. ШВЫДКОЙ=
НННН 1431 25.11

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ
31 октября
БГ50
ВЕЗДЕ

DESERTER

О книге Л. Гребенщиковой — Мой сын БГ — 2008.
Сергей Горцев

Эту книгу купил (а не купить не мог) недавно. Начать читать боялся. Всем известна давняя словоохотливость Бориса Борисовича, его открытость для всевозможных интервью. Пальму первенства в этом отношении он делит с журналистом Артемием Троицким — тот тоже всегда готов рассуждать на любые темы — от проблемы величины женских бюстов до политики президента. Возможно, это борьба за информационное первенство и охладила былые теплые отношения БГ и А.К.?

Итак, кажется, мы знаем о Б.Гребенщикове абсолютно всё. Или почти всё. Что может добавить мать к классической биографии «легенды русского рока»? Ну, пару сентиментальностей…

Ан, нет! Книга «Мой сын БГ», составленная из кусочков воспоминаний Людмилы Харитоновны, читается, как говорится, на одном дыхании. В ней три главы: «Детство и юность» (о Л.Х.), «Борис» (об отце БГ) и «Боренька» (о рок-музыканте).

Из занимательного повествования мы узнаём много любопытного о жизни лидера «Аквариума» и прежде всего о его родителях. В своих интервью БГ старательно обходит эту тему. Так, в Смоленске Борис Борисович как-то в свойственной ему манере сообщил, что «моя мама — луна, а отец — солнце». Книга Людмилы Харитоновны не только уточняет многие факты из семейной жизни Гребенщиковых, но делает это очень тактично, без налёта какой-либо сенсационности. Оказывается (для меня это ново), мама постоянно находилась рядом с БГ в 70-80-е годы, часто бывала на его концертах и лично знала многих музыкантов. Отец же (как и многие отцы) творчеством сына почти не интересовался и «не понимал увлечений Бореньки». Исключительно важную роль в воспитании музыканта сыграла его бабушка («баба Катя»). «Наизусть знала все его расписания, напоминала, какие учебники взять с собой в школу. Провожая Борю в школу, она стояла на лестнице и кричала ему вслед: «Баранкин, будь человеком!»

Многие известные поклонникам «Аквариума» факты и истории даны в ином ракурсе — ракурсе любви к сыну. И этот взгляд придает рассказам особую задушевность и трепетность. Вот отрывок из книги, который, на мой взгляд, хорошо

характеризует взаимоотношения юного Бореньки с окружающим миром:

«Первого сентября Боря пошел в школу. До этого он с упоением читал Верна, капитан Немо был для него кумиром. Поэтому я попросила мужа прислать Боре 1 сентября радиограмму от Немо. Боренька собирался, уже готов был идти на линейку, как вдруг раздался звонок. Вошел почтальон и вручил ему радиограмму. Прочитав: «Мой мальчик, с гордостью слежу за твоими успехами. Капитан Немо», Боря покраснел, затем побледнел. Я подумала, уж не перегибаю ли я палку своими фокусами. Потом мы отправились на праздничную линейку. А когда Боря вернулся из школы, я спросила его, как ребята реагировали на то, что капитан Немо прислал ему телеграмму. Боря расстроенно ответил, что никто из его одноклассников не знает, кто такой капитан Немо».

Как и, наверное, многих, меня всегда удивлял факт учёбы БГ в ЛГУ на мехмате. Что-то было противоестественное в этом событии. В своей книге Людмила Харитоновна даёт честное и вполне жизненное объяснение. И этот реализм вызывает ещё большее уважение к автору.

Естественно, как мать, Людмила Харитоновна не могла обойти тему семейной жизни своего сына. В частности, не могла не упомянуть о нескольких жёнах БГ. Мне даже показалось, что в некоторых моментах автор была излишне жестка. Но не жестока. Что поделать, жизнь яркой личности часто (очень часто) сопровождается серьёзными проблемами на личном фронте…

Большим достоинством книги является обилие редких семейных чёрно-белых фотографий. Практически все они публикуются впервые.

Есть ли в книге недостатки? На мой взгляд только один. Мне кажется, она вполне могла бы обойтись без Приложения, в качестве которого выступает статья Д.Гуницкого «Так начинался «Аквариум». Манера письма Гуницкого находится в явном противоречии с настроением основного повествования.

В заключение не могу не сказать о Предисловии, написанном самим Борисом Гребенщиковым. В нём ясно ощутимы уровень доверия и любви к своей матери. По степени искренности и таланта Предисловие, на мой взгляд, не уступает лучшим песням «Аквариума»:

«…Глядя на неё, я научился не стесняться испытывать восторг при виде прекрасного — и это открыло для меня бесконечный мир. С плодами такого воспитания вам приходится иметь дело и по сей день. Ничего лучше со мной случиться не могло…»

Согласитесь, это запоминается и впечатляет.

Борис Борисович, спасибо за творчество!
Людмила Харитоновна, спасибо за сына и за книгу о нём!
июль, 2008 г.

notes

Примечания

1

Стоковский Леопольд (18.04.1882—13.09.1977) — польско-американский дирижер. Мы Стоковского видели только в кино, до войны. Тогда шел американский фильм «100 мужчин и одна девушка».

2

Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований.